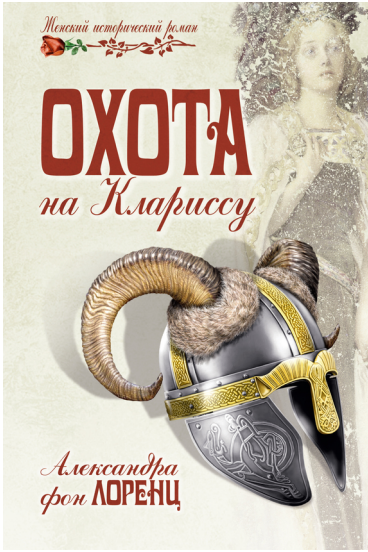

Александра фон Лоренц
Охота на Клариссу
Серия «Женский исторический роман»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654199
Охота на Клариссу : роман / Александра фон Лоренц: Вече; Москва; 2013
ISBN 978-5-4444-0987-9, 978-5-4444-7462-4

Аннотация

Франция, X век. Вождь викингов Ингмар Дагфинсон, обманутый неверной возлюбленной, поклялся никогда не жениться. Молодая графиня Кларисса де Мелан тоже не желает выходить замуж. Она абсолютная повелительница в своем графстве, зачем ей добровольно уступать власть норманнским захватчикам? Могла ли знать красавица Кларисса, что этот мир принадлежит мужчинам и она достанется жестокому воину как военная добыча? Но нежеланный муж дарит ей такую любовь, за которую она готова идти на смерть.

Содержание

Пролог	5
Грюнхильда	6
Мавританское золото	13
Нормандия	16
Погоня	20
Сватовство	29
Майская королева	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александра фон Лоренц

Охота на Клариссу

© Александра фон Лоренц, 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2013

* * *

Пролог

Звезды ярко горели на черном бархате неба, их мерцание отражалось в темной воде извилистого залива. Кругом было тихо и безлюдно, не было слышно даже всплесков волны. Четверо юношей стояли на берегу Олесунфьорда. В этот торжественный вечер Халвор и Истерд, Аксель и Ингмар пришли сюда, чтобы стать побратимами. Всем было около пятнадцати лет, они жили по соседству, дружили, и теперь, вступая во взрослую жизнь, твердо решили стать кровными братьями, чтобы и дальше пойти по жизни вместе. Они знали, что древний магический ритуал объединит их души, они будут ближе друг другу кровных родственников. Кровь, пролитая этой ночью, свяжет навечно четыре сердца, обида и боль каждого будут общей обидой и болью, а радость и удача тоже будут делиться на четверых.

Багровый серп луны появился на небе довольно поздно и теперь задумчиво смотрел на уснувшую землю. Прорезав захваченными с собой лопатами узкую полосу в толстом слое дерна, мальчики поднатужились и все вместе приподняли ее над землей. Полосу пришлось вырезать дугой, чтобы можно было сделать из нее высокую, выше их голов, арку. Концы же ее нельзя было отрывать от земли. И в этом был глубокий смысл: травяная арка, подпертая копиями, символизировала лоно матери Земли. Пройдя через него, участники ритуала как бы рождались заново. Юноши хорошо знали, как следует проводить этот древний ритуал, и молча подошли к центральному копыю, поддерживающему травяное лоно. Они сделали надрезы на правых руках, и когда ладони обагрились кровью, сложили их вместе, так чтобы кровь смешалась. Еще взяли чуть-чуть земли, чтобы она стала залогом страшной клятвы, и, подняв руки, сложили их вместе над головами и сомкнули на древке копия.

– Клянемся, что мы с этой минуты побратимы, – произнесли они дрожащими от волнения голосами. – Клянемся быть верными друг другу вечно!

Высокие горы, прекрасный фьорд и глубокое темное небо – все было так величественно, грандиозно. Их слова пронесли над неподвижной водой фьорда и улетели к далеким горам. Казалось, даже звезды одновременно мигнули в этот момент, как свидетели великого таинства, и волны фьорда прошумели им в ответ. Юноши одновременно ступили вперед и прошли под травяной аркой матери Земли. Легкий ветерок освежил их разгоряченные лица, а все живое на мгновение замерло в восхищении от торжественности этого события. Побратимы обнялись и долго еще так стояли — их сердца бились вместе, их руки были сомкнуты – отныне они стали единым могущественным существом.

Грюнхильда

С утра погода стояла хмурая, по мрачному небу, покрытому темными тучами, как будто стремясь обогнать друг друга, мчались отдельные серовато-желтые облака. Один раз сквозь них было прорвался солнечный луч, скользнул по воде и скрылся опять. Во второй половине дня небо очистилось. Одинокие скалы, выглядывающие из-за горизонта, постепенно превратились в высокий светло-коричневый берег.

Корабль со скрипом переваливался через пологие серые волны, а за кормой оставалась полоса пены из смеси морской воды и пузырьков воздуха. Когда и солнышко показалось в разрыве низких темных облаков, настроение у всех мореходов сразу же приподнялось, и длинные весла стали глубже и резче входить в холодную соленую воду.

– Веселей, братья, вон уже и памятный камень Оласа показался! – раздался задорный голос хевдинга¹ Ингмара Дагфинсона, и дружинники еще резче налегли на весла. И в самом деле, перед высоким носом драккара² в виде пучеглазой змеи развернулся вход во фьорд со скалистой стеной слева и пологим языком по правую руку. На зеленой весенней траве мыса уже отчетливо виднелся округлый высокий камень, стоящий на самом высоком месте холмистого берега. Все знали, что на этом камне высечена лента, покрытая вязью десятков рун. Уже прошли века, как неизвестный Олас поставил этот камень в честь своей жены Ингрид и написал на нем, что никогда не было и не будет лучшей хозяйки в доме, чем его избранница. На гребне косогора показалась ватага ребятишек в длинных белых рубахах с разноцветными вышивками. Завидев корабли, входящие в залив, мальчишки опрометью бросились в невидимое с этого места селение, которое располагалось в глубине фьорда.

– А вон и твой Ари, – крикнул вождь дружинников викингу, стоящему у руля, указывая на одного из бегущих мальчишек.

– Это точно он, – весело ответил кто-то из гребцов, – вырос-то как! Слышишь, Тордис? Может, он уже и братца заимел, пока ты шлялся?

Гребцы дружно засмеялись, и все обернулись, чтобы посмотреть на рулевого. Здоровенный детина, лет тридцати, постриженный «под горшок», так напряженно вглядывался в мальчишек, что даже забыл про свой руль – длинное весло, привязанное к борту.

– Ари... – тихо проговорил он и улыбнулся.

Корабль тем временем уклонился вправо, где из воды порой выныривали над волнами два острых камня, «рога дьявола», как их называли местные жители. Уже не одно судно опробовало на своих бортах их подлый подводный удар.

– Держи руль, Тордис! – вернул рулевого к действительности суровый окрик хевдинга, хотя и сам он улыбался. Да и как было не радоваться! После тяжелого двухлетнего похода в страну славян сын ярла³ Дагфина из Олесунфьорда со своей дружиной и тремя верными друзьями благополучно возвращался домой. По такому случаю Ингмар надел новую рубашу из белого шелка, отделанную вдоль ворота и понизу широкой полосой нарядных узоров. Рубашка трепетала от порывов родного северного ветра на широкой груди белокурого викинга. Молодой хевдинг бросил взгляд на середину ладьи. У основания толстой мачты лежала большая груда заморских товаров – шелковые и бархатные ткани, серебряная посуда, восточные пряности, оружие и много других ценных вещей. Были там и дорогие подарки матери, отцу, другим родственникам и, само собой разумеется, – Грюнхильде, его любимой девушке. Для нее Ингмар вез золотое, тончайшей работы ожерелье из Персии, отрезки

¹ Военный вождь.

² Военный корабль.

³ Глава рода.

роскошных тканей, сафьяновые сапожки и всякие другие мелочи, которые так любят женщины. Еще удачливые торговцы везли рабынь – захваченных в Крыму молодых женщин. Они находились на кнорре⁴, следовавшим за драккаром. Ингмар оглянулся – на таком расстоянии можно было свободно различить радостные лица кровных побратимов сына ярла. Истерд и Торкель, сыновья бонда Эрика Хромого, стояли на носу корабля и, весело смеясь, махали кому-то из встречающих. Ингмар посмотрел на берег. Вдалеке, на дороге, ведущей в лес, виднелась группа девушек, размахивающих в сторону кораблей разноцветными платками. Ингмар попытался рассмотреть их – вдруг среди них сестра побратимов, красавица Грюнхильда. Нет, ее там не было – он сразу бы узнал бы. Проскочила неприятная мысль: может, она его не дождалась, ведь и обещала слишком легкомысленно, скорее шутя, несерьезно – и сердце болезненно сжалось. Она так красива, каждый пожелал бы ее в жены. Но, как и все красавицы, горда и своенравна. Ее братья, Истерд и Торкель, предупреждали Ингмара, что у сестры тяжелый характер, она слишком любит красивые наряды, украшения и очень гордится своей красотой. Грюнхильда вряд ли будет подходящей женой викингу. За ней нужен глаз да глаз, слишком многим мужчинам она нравится, и девушка об этом отлично знает. Но что значили эти разумные слова для влюбленного парня? Ровным счетом ничего – он с нетерпением ожидал встречи с желанной женщиной. Да и кто бы и говорил, да только не Истерд! Он вытащил чуть ли не со дна Черного моря красивую рабыню, выпавшую за борт при крушении корабля работорговцев, и, как наивный простака, попался в сети богини любви Фрейи. Данута, высокая изящная девушка с огромными серыми глазами и роскошными светло-русыми волосами, рассказала викингам, что вместе с подругами была захвачена работорговцами на рынке в Сураже, византийском порту на Черном море. Рабыня заявила, что она знатная боярышня, единственная дочь наместника киевского князя в Тмутаракани, и поэтому отказывается признать Истерда своим хозяином. Данута просила отвезти ее к отцу, боярину Градимиру Смелому. Она утверждала, что он даст норманнам золота в десять раз больше, чем Истерд выручил бы за нее на невольничьем рынке в Бирке. Конечно, побратим не поверил в глупые рассказы рабыни. Надменная девушка не согласилась быть наложницей Истерда. Побратим, пересилив гнев, стал лаской завоевывать ее расположение, объяснив друзьям, что нужно дать ей время свыкнуться со своей судьбой. Тем более что в его доме девушку ожидали сложные отношения с невестой Истерда, которая вряд обрадуется такой красивой сопернице. Сейчас он вместе с братом Торкелем был на кнорре, следил, чтобы гордячка не натворила глупостей.

С волнением Ингмар вспоминал последнюю встречу с Грюнхильдой. В тот памятный день, третий день праздника летнего солнцестояния, ярл Дагфин, отодвинув в сторону кружку с элем, сурово посмотрел на своих взрослых сыновей, сидевших рядом с ним за праздничным столом.

– Ингмар и Агот, – медленно проговорил он, – вы уже совсем взрослые. Я в ваши годы побывал в двух торговых походов в Византию и уже заботился обо всем нашем роде. Пора и вам определяться.

Дагфин задумался и, опустив голову, смотрел на дубовые доски стола. Сыновья в нетерпении переминались под столом с ноги на ногу, дожидаясь, когда отец продолжит разговор.

– Дом и имущество по обычаям отцов я передаю старшему сыну Аготу, – наконец произнес ярл и опустил тяжелую руку на стол, – это правило нам досталось от предков, и не мне его нарушать.

Рыжее веснушчатое лицо Агота зарделось от удовлетворения. А Ингмар, уже догадываясь, что отец скажет дальше, ощутил непривычное для него чувство разделенности с род-

⁴ Грузовой корабль.

ным домом. Наверное, такое же чувство испытывает одинокий листок, сорванный ветром с родной ветки и летящий навстречу неведомому.

– Чего скалишься? – зло бросил в сторону Агота ярл Дагфин. – На твои плечи ляжет ответственность за весь наш род. Это ты будешь беспокоиться, чтобы все в доме были сыты, одеты и обуты.

Отец перевел взгляд на младшего сына.

– А по мне, если бы моя воля, лучше бы бороздить моря, чем ковыряться в этом хозяйстве. Не расстраивайся, Ингмар, я даю тебе два драккара из тех пяти, что имею, да снаряжение и оружие. Позови дружинников, которые пойдут за тобой, и сам найди свое счастье! – Дагфин опять задумался.

– Может быть, тебе даже больше повезет, – философски заключил он.

Ингмар вышел на улицу. Молодому мужчине было грустно. А как же Грюнхильда? Захочет ли она всю жизнь ждать мужа-викинга? Красавица так и не ответила парню, согласна ли она выйти за него замуж? И внезапно, решившись, молодой викинг быстро пошел на конюшню и, оседлав коня, поскакал в сторону дома Эрика Хромого, отца Искерда, Торкеля и Грюнхильды.

Уже начинало смеркаться, с Северного моря налетел прохладный вечерний ветерок. Парень, присев на упавшее дерево, терпеливо дожидался – и наконец, увидел знакомую стройную фигурку.

Девушка, которую он любил, шла по тропинке в сторону своего дома.

– Грюнхильда, – тихо окликнул ее викинг.

Девушка обернулась и подождала, пока Ингмар ее догонит.

– Ну так что, Грюнхильда? – обратился к ней парень. – Ты так и не дала мне ответ.

– А что отвечать, Ингмар? Куда ты меня зовешь?

– Я зову тебя в жены, любимая, – он взял девушку за руку.

Грюнхильда порывисто взглянула на него своими прозрачными серыми глазами и отвела их в сторону. Ее рука потихоньку высвободилась из его горячей ладони.

– Девушку зовут в дом, Ингмар. А в какой дом ты зовешь меня?

Ингмар молчал, холодный комок подкатил к горлу.

– Все уже знают, как отец распорядился твоей судьбой, – продолжала девушка, – твой путь лежит туда, — ее рука указала в сторону синего моря, – что же мне, с тобой идти на корабль?

– Зачем же, ты сможешь меня ждать...

– Ждать, пока я состарюсь и никому не буду нужна?

– Ты всегда будешь мне нужна!

– Ты можешь и вообще не вернуться, Ингмар, – проговорила красавица и, отвернувшись, пошла прочь. – Найдешь себе там восточную красотку, тонкую, как твоя сабля, – послышался из темноты ее смех. – Впрочем, мне всего шестнадцать, еще года два-три я не пойду ни за кого замуж, может, и дождусь тебя.

Ошеломленный Ингмар остался стоять в одиночестве. На небе уже начинали сиять первые звезды. Заснеженные макушки гор стали принимать четкие очертания на фоне потемневшего неба.

«Ну что же, – невесело подумал молодой викинг, – значит, у меня такая судьба – искать свое счастье за морем».

Драккар обогнул «рога дьявола», и рулевое весло закрипело под тяжестью тела Тордиса. Ладья легла на борт и едва не зачерпнула изогнутым бортом сине-зеленой воды. Но движения рулевого были выверены и точны, и вот за поворотом показался покатым зеленый косогор. Солнце окончательно овладело небом и заливало золотыми лучами россыпи домиков у леса, остовы строящихся кораблей у кромки воды, ватаги ребятишек, спускающихся по

склону к фьорду. Отсюда было хорошо видно, как спешили к берегу люди – встречать долгожданных странников. И по большой дороге, и по маленьким тропкам бежали многочисленные фигурки. А на деревянном причале уже собралось много народа. Все махали руками и что-то кричали в сторону подходящих кораблей.

Сосновый причал затрещал и изогнулся под тяжестью прислонившегося драккара. Полетели в сторону берега швартовные веревки, и путешественники ступили на родной берег. Два года мечтали об этой минуте Ингмар и вся его дружина. После постоянной качки на Балтике и в проливах твердыня родного берега приятно почувствовалась ногами и передалась всему телу. Ингмар прошел по черным доскам на причал и обнял отца.

Мать сама бросилась к сыну на шею, и все трое крепко прижались друг к другу. Улыбаясь, рядом топтался Агот. Ингмар видел, что отец сильно поседел за эти два года, а возле глаз матери появилась сеть мелких морщинок. Молодой хевдинг ощутил еще твердые бугры мышц под рубашкой у своего родителя, его руки крепко обнимали сына и жену. Мать Ингмара, почти не разглядывая, отложила в сторону дорогие подарки сына и с любовью смотрела на него выпцветшими от северных ветров, полными слез глазами. Отец же с восхищением рассматривал золоченый шлем византийской работы, покрытый изящным орнаментом. Ингмар окинул взглядом толпу. Среди знакомых людей он не увидел ту, о встрече с которой мечтал все эти два года.

– Грюнхильда уехала к дяде, на Готланд, – поймал его взгляд отец.

– На Готланд? Жаль, что я не знал... – проговорил огорченный Ингмар. Две недели назад они проходили недалеко от этого лесистого двугорбого острова. Даже ночевали поблизости от него, на островке со смешным названием Форэ, то есть овечий. Жарили на вертелах барашков, купленных у местного хозяина. Ингмар как будто чувствовал, когда смотрел на виднеющийся на горизонте Готланд, хотел зайти туда. Но друзья отговорили. Все спешили домой.

– Уже две луны сменилось, как она уехала, скоро вернется, – стала успокаивать сына мать.

Ингмар с сожалением посмотрел на приготовленные для девушки подарки.

– А я ведь тоже говорил, зайдем на Готланд, – похлопал его по плечу побратим Гуннар, громадный белокурый мужчина. Обычно из Гуннара не вытянешь и слова, а тут вдруг решил утешить друга. Светло-голубые глаза великана с сочувствием смотрели на вождя викингов.

– Да, ничего, – махнул рукой Ингмар, – должна скоро быть, а не успеет – я все эти подарки сестрам раздам.

Две совсем молоденькие розовощекие девчушки, стоящие в сторонке, довольно заулыбались.

– Я вам, – пригрозила им мать пальцем, – вернется она, скоро будет, сынок.

Так, в разговорах, вскоре все и оказались возле большого дома. Это было серое длинное здание, сложенное из грубого камня, обшитое снаружи вертикально расположенными сосновыми досками. Покатую крышу покрывал толстый слой зеленого дерна. В стенах были видны редкие узкие окошки, а из отверстий в крыше струились клубы дыма от горящих очагов. Там уже вовсю шла подготовка к праздничному пиру. Через открытые двери сновали рабыни в длинных платьях с кожаными передниками. Они носили в дом посуду, мясо, различные припасы. Мелькнули и бочонки с элем и медовухой, а из дома уже доносился приятный запах жарящегося на вертелах мяса.

– Нет, мама, – ответил на приглашение пройти к столу Ингмар, – сначала баня!

Действительно, мореходы истосковались за годы странствий по родной норвежской бане. Предусмотрительные родственники уже крепко натопили каменные печи, натаскали воды. Баня, издавека напоминавшая обыкновенную землянку, источала из своей утробы жар и благоуханные запахи заваренных трав. Брызнули пахучим настоем на раскаленные камни,

и низкое помещение заполнилось клубами душистого пара. Тело приятно заныло от жаркой истомы. Ингмар забрался под самый потолок и растянулся на дубовой полке. Искерд стал энергично хлестать его по покрасневшей спине веником из молодых березовых веток. Жар потек волнами вниз по позвоночнику и спустился к ногам.

Уже стемнело, когда распаренные мужчины ватагой выбежали на улицу и охладили свои разгорячившиеся тела в холодных водах фьорда. Казалось, даже вода зашипела от раскаленных мускулистых тел, но все звуки поглотил грубый хохот и выкрики резвящихся в воде моряков. Вскоре покрасневшие после бани мужчины, причесавшись и переодевшись в праздничную одежду, стали собираться у дома Ингмара.

* * *

Путешественники вошли в дом и стали рассаживаться возле длинных столов, быстро собранных в связи с таким радостным событием. А они просто ломились от всевозможных домашних яств. Мясо во всех видах: соленое, моченое, вяленое, копченое, всяческие соленья, грибы, мед, рыба, сушеные фрукты. По случаю праздника на столах была выставлена дорогая заморская посуда, серебряные блюда и кубки.

– Ну, рассказывай, сынок, где бывали, что видали, – обратился ярл к сыну, вытирая пшеничные усы после первой чаши эля. Они были аккуратно заплетены в две косички.

– Вначале пошли как обычно, через Ладогу, – начал свой рассказ Ингмар, – на реках в основном нас никто не трогал, опасались отпора. Драккар наш силен, быстроходен. Кнорр, конечно, приходилось защищать. На волоке напало на нас местное племя...

Сидящие за столом родственники молодого хевдинга и их соседи с удовольствием слушали длинный рассказ младшего сына ярла Дагфина. Порой его перебивали собраты по походу.

* * *

Из большого дома с высокомерным достоинством вышла статная девушка и с удивлением посмотрела на гостя.

Она была красива и величественна, но ее совершенное лицо несколько отталкивало своей надменной холодностью. Густые светлые волосы северянки красиво обрамляли гордое лицо, толстая коса, переброшенная через плечо, ниспадала до самых бедер. Большие серые глаза под широкими прямыми бровями издали казались прозрачными волшебными кристаллами, холодноватыми и отстраненными. И это придавало ее лицу неопишное колдовское очарование. Красавица была высокого роста, широка в плечах; ее сильные руки были хорошей формы, с длинными изящными пальцами. Девушка напоминала валькирию – северную богиню-воительницу. Она была в повседневном сером платье; поверх платья был надет бесформенный невзрачный фартук – гость застал ее за домашней работой. Но царственную внешность северянки не могла изуродовать эта безобразная одежда, она была из тех редких женщин, которые не нуждаются в украшениях, чтобы подчеркнуть свою красоту.

Девушка сделала несколько шагов навстречу гостю. Выходя из дверей, приподняла длинный подол своей одежды. На мгновение мелькнули обнаженные голени, сильные и красивые. Она посмотрела своими колдовскими глазами на молодого хевдинга.

– Ингмар? Так ты уже вернулся? Что ты делаешь на Готланде? – она с недоумением посмотрела на молодого человека.

– Милая Грюнхильда! Мы приехали вместе с твоим отцом, чтобы забрать тебя домой. Я так по тебе скучал! – с этими словами влюбленный Ингмар бросился обнимать прекрасную богиню.

Ее глаза широко распахнулись от изумления, на губах появилась улыбка. Девушка прижала руку к сердцу, отчего запачкала фартук кровью рыбы, разделкой которой она занималась минуту назад. Вытерев руки, она бросилась обнимать счастливого парня, не думая о том, что за ними наблюдают строгие глаза. Их объятия длились до тех пор, пока кто-то сзади ненавязчиво кашлянул, деликатно напомнив влюбленным, что их поцелуй чересчур затянулся.

– Любимая моя! – восхищенный Ингмар никак не мог насмотреться на ее прекрасное лицо. – Наконец-то я дома! Я так счастлив снова увидеть тебя!

– Я тоже, Ингмар. Пойдем в дом, – сказала девушка, взяла его за руку и повела за собой.

Парень, не говоря ни слова, взял с пола свою ношу – большой, плотно набитый мешок и вытряхнул его содержимое на широкую лавку. Из мешка посыпались отрезы дорогих тканей, красивая обувь, драгоценные бусы, браслеты и другие украшения.

– Это все для тебя! – с гордостью сказал он.

– Ой! – ошеломленная девушка от радости потеряла возможность выразить словами свой восторг. Ее глаза засверкали как звезды.

– Ингмар! Такие чудесные подарки! – завизжала она от восторга. Ее руки уже вцепились в яркую материю и приложили к себе, примеряя длину отреза.

Все остальные дары были встречены не менее радостно. Девушка бросилась на шею парню.

Когда все подарки были рассмотрены, все слова о долгой, невыносимой разлуке и морском путешествии сказаны, Ингмар, волнуясь, заговорил:

– Грюнхильда! – он слегка запинаясь от беспокойства. – Я хочу, чтобы ты стала моей! Будь моей женой. – Он судорожно сглотнул.

Девушка ответила не сразу. Она повела глазами из стороны в сторону и надменно улыбнулась.

– Ингмар, я бы с радостью стала твоей супругой. Я хочу этого не меньше тебя, но где мы будем жить? – Она устремила на него холодные глаза.

– В доме моих родителей. У нас хорошая и дружная семья, у всех добрые отношения друг с другом. А потом я построю свой дом, и ты будешь в нем хозяйкой! – Его чистые голубые глаза, наполненные любовью, смотрели на гордую красавицу, умоляя согласиться.

Улыбка на устах девушки заметно изменилась, она сделалась недовольной и жесткой.

– В том, что у вас хорошая семья, я всегда была уверена. А вот в другом очень даже сомневаюсь, – сказала она с тем же выражением на безупречном лице.

– В чем, милая? – Ингмар не ожидал такого ответа. Он поверг его в смятение.

– В хорошем отношении ко мне. Жена твоего брата моя подруга, и я не представляю, как у нас будут складываться отношения, если мне придется смотреть ей в рот и выполнять ее распоряжения. У нее чересчур властный характер и к тому же противный. Я не смогу ей подчиняться, я хочу сама быть хозяйкой.

Молодой человек печально вздохнул и опустил глаза. Грюнхильда сказала правду о характере его невестки. Ее жизнь с братом Ингмара Аготом складывалась сносно лишь по причине его частых отъездов.

– К чему так торопиться? – продолжала Грюнхильда. – Мы оба еще молоды. Ты мне нравишься, и мои чувства к тебе не исчезнут. Я могу подождать, Ингмар. А когда ты сможешь привести меня в свой собственный дом, я и мгновения не буду раздумывать!

– Ты будешь меня ждать? Я обещаю, что у тебя будет свой дом, и только ты будешь в нем хозяйкой! – воскликнул Ингмар с трепетом в сердце.

– Конечно, а как же иначе? Ведь я же люблю тебя и не хочу никого другого! – Девушка твердо смотрела в глаза молодого мужчины.

– Герцог Нормандии Ричард Бесстрашный зовет нас на помощь. Я поговорю со своими дружинниками, они, я думаю, согласятся хорошо заработать. Ричард неплохо платит, да и от добычи, захваченной в боевых походах, больше половины достается дружине. Мне, как хевдингу, конечно, больше. Но я могу и не вернуться, Грюнхильда, – приглушенным голосом проговорил он. – К тому же дождешься ли ты меня? Ведь самое меньшее, я вернусь через полтора года, если не погибну в сражениях.

– Не смей так говорить! – Ее глаза вспыхнули недовольством. – Я сказала, что буду ждать, значит – так и будет.

– Боги могут распорядиться по-своему. – Он опустил голову. – Ты же знаешь, сколько женщин уже никогда не встретят своих мужей. Если я не вернусь через два года, считай себя свободной от слова.

– Я буду ждать тебя, Ингмар. Буду ждать, любимый, – прошептала девушка, обняв его за шею.

Мавританское золото

После того как была одержана уверенная победа над французами, герцог Нормандии предложил отважному хевдингу остаться у него вместе со всей дружиной. Но любовь к красавице Грюнхильде пересилила желание принять выгодное предложение. И хотя за этот год Ингмар неплохо заработал, он не был удовлетворен – хотелось привезти домой немало больше денег, чтобы в дальнейшем не было необходимости выходить в море с целью грабежа торговых кораблей. Он мечтал построить большой каменный дом с отоплением, как у франков, и заняться своей семьей. И вдруг ему необыкновенно повезло – соглядатай герцога в Испании сообщил, что один из мавританских эмиров из-за внутрисемейных распрей планирует вывезти на трех кораблях всю свою казну. Ричард предложил лихому хевдингу выйти в море и атаковать мавров. К двум драккарам Ингмара герцог дал еще два своих под его командование. Молодой вождь собрал своих дружинников и рассказал о предложении герцога. Викинги поддержали хевдинга, и вскоре небольшая флотилия из четырех драккаров вошла в опасные воды Бискайского залива. Бог грозы и молний Тор благоволил отважным мореходам в этом походе, и лишь океанская зыбь мерно поднимала и опускала вниз крутобокие драккары. Даже небольшой шторм отправил бы этих искателей быстрого заработка на корм рыбам.

Наконец зоркий Гро различил высокие скалы мыса Сан-Висенти, и на душе у Ингмара полегчало. Горько было осознавать, что желание его любимой иметь собственный дом могло отправить на тот свет две с половиной сотни отважных мореходов. Правда, его радость оказалась преждевременной. Приблизившись к берегу, викинги увидели, что отвесные скалы тянутся вдоль кромки воды на долгие мили и высадиться здесь невозможно. Громадные волны с грохотом разбивались в черных утесах, грозясь разнести в щепки любой корабль, который рискнет приблизиться к берегу. И взобраться по отвесным кручам вряд ли кто-то сумел бы. Высота скал здесь была не меньше тысячи футов.

Так и шли драккары под прикрытием черного отвесного берега под грохот разбивающихся в расщелинах громадных волн. И на этот раз выручил Гро. Юноша заметил, как блеснули на горизонте алые косые паруса мавританских галер. Срочно были убраны с бортов яркие щиты, опущены паруса и знамена, и черные борта кораблей норманнов почти слились со скалами. Маврам не повезло – когда они заметили вражеские корабли, было уже слишком поздно. С победоносными криками четыре драккара вынырнули из-за громадного каменного утеса и пошли на абордаж. Исход боя был предрешен, мусульмане почти не сопротивлялись. Две галеры были захвачены, одна отправилась на дно, а эмирская казна перекочевала на борт флагманского корабля Ингмара. Мавры оказались трусами и после первого же штурма попрыгали в воду. Как будто там можно было найти спасение! Оставалось только гадать об их горькой судьбе в глубоких расщелинах отвесных скал.

Таким образом, поход оказался кратким, но удачным. Большие кожаные сумки были набиты серебряными и золотыми монетами, каждый остался доволен после выплаты причитающейся ему доли. И у Ингмара, конечно, теперь оказалось достаточно денег, чтобы построить на берегу холодного Олесунфьорда не только дом, обложенный дерном, а настоящее каменное здание.

С такими радостными мыслями молодой хевдинг скакал по узкой тропке, что вела к дому его невесты. Вот обрадуется его любимая, когда блеск золота ударит в ее прелестные светло-серые глаза!

Подъехав к дому родителей его невесты, Ингмар заметил что-то необычайное в поведении людей из дома бонда Эрика Хромого. Хевдинг знал всех обитателей этого хутора, но почему-то они отворачивались от него, стараясь не смотреть в глаза молодому мужчине, а

то и вовсе сворачивали в сторону, избегая встречи. Подъехав к дому своей невесты, викинг обратил внимание на необычное оживление возле длинного строения. К коновязи было привязано множество лошадей; без устали сновали рабы,нося в дом еду и напитки. «Какой-то праздник, не иначе», – подумал Ингмар, и сердце почему-то тревожно забилося в груди.

При входе в дом никто не поприветствовал именитого гостя – в лицо Ингмару ударил острый запах праздника – смесь испарений хмельного меда, эля, пряных закусок и жареного мяса. В огромном помещении, освещаемом факелами и масляными лампами, звучала медленная норвежская песня. Видно, веселье продолжалось уже не один день и перешло в стадию задумчивого празднования. Когда глаза привыкли к неяркому освещению, он остолбенел от неожиданности. Во главе стола в наряде невесты сидела его Грюнхильда, а рядом с ней попивал из большого кубка хмельной мед Торстен Годвинсон, вдовец лет сорока, богатый бонд из соседнего хутора, не имеющий дворянского титула.

Так вот кому отдала свое сердце неприступная красавица!

Ингмара попытались усадить за стол, он отстранил чужие руки и тяжелыми шагами прошел через весь длинный дом к новобрачным. Грюнхильда побледнела от неожиданности, но, быстро взяв себя в руки, надменно взглянула на обманутого ею жениха.

– Поздравляю тебя, Грюнхильда, – процедил сквозь зубы Ингмар и спустил на пол с плеча тяжелую кожаную сумку. Торстен потянулся было к мечу, но был остановлен рукой жены.

Ингмар раскрыл сумку – в ошеломленные лица и молодых, и гостей ударил блеск золотых монет. Глаза новобрачной загорелись, а ее муж, словно замороженный, не мог оторвать взгляд от раскрытой сумки. Никто еще в этом селении не видел такого количества золота. Ингмар достал несколько монет и презрительно бросил на стол перед своей бывшей возлюбленной. Один из золотых кружочков шлепнулся прямо в тарелку с едой и забрызгал свадебное платье Грюнхильды.

– Это мой подарок тебе на свадьбу, – тихо сказал молодой хевдинг, повесил тяжелую сумку опять на плечо, повернулся к выходу и пошел, едва передвигая ногами.

– Будьте вы все прокляты, коварные изменщицы, – бормотал несчастный Ингмар, забираясь на коня, – никому из баб больше не поверю!

Верный Дагни, чувствуя настроение Ингмара, неспешно брел по тропинке, увозя своего хозяина подальше от дома неверной невесты.

А Грюнхильда почему-то горько расплакалась там же, за свадебным столом. Ей было очень жаль, что она так ошиблась и не дождалась молодого, богатого и красивого жениха. Гости притихли, веселое настроение как-то само по себе спало, и все стали потихоньку, под различными предлогами покидать уже совсем не праздничный дом.

* * *

Взяв себя в руки, на следующий день Ингмар собрал всех своих дружинников и, выйдя на середину круга, сказал:

– Братья, не буду скрывать от вас, не мил мне теперь родной край, – хмурый хевдинг склонил голову, и на широкий лоб упали светлые пряди, – хочу уйти навсегда в Нормандию. Буду жить там... не могу больше находиться в Норвегии! Герцог Ричард пригласил всех нас остаться в Нормандии. Теперь это тоже наша земля. Кто хочет обосноваться на новой родине, приглашаю с собой, кто устал от скитаний – винить не стану. Семьи можно будет забрать немного позже, когда устроимся. У кого нет семьи, создаст ее там, если пожелает.

– Вы как хотите, – могучий Магнус ступил шаг вперед, – а я пойду за хевдингом. Можно было бы и отдохнуть немного, но он уже стал мне ближе брата... кто подставит ему плечо на чужбине?

Такая длинная речь была настоящим подвигом для молчаливого викинга, и толпа одоб- рительно загудела.

– Дай нам только неделю, Ингмар, – выкрикнул из-за спин дружинников Арни, – пови- даемся с семьями и все уйдем с тобой.

– Ладно, – ответил молодой вождь и поднял к небу правую руку.

Через неделю два драккара хевдинга Ингмара Дагфинсона отчалили от родного при- чала и вскоре скрылись за длинным языком входного мыса. Никогда еще после такого дли- тельного отсутствия викинги так быстро не покидали свою родину.

Нормандия

Резная голова свирепого черного дракона безучастно вглядывалась в зеркальные воды ночной Сены. Корабли викингов почти бесшумно скользили по извилистой глади реки, и только мерные всплески весел вплетались в сладкоголосое пение весенних соловьев. Кругом царила тишина, лишь легкое дуновение ветерка порой приводило негустой туман в движение, и тогда сквозь него неясно вырисовывались очертания противоположного берега, покрытого могучим сосновым лесом.

Сначала Ингмар подумал, что согласно древним традициям носовое украшение корабля следовало бы снять – чтобы ужасный скандинавский идол не распугал духов земли, а потом решил, что это не касается трусливых богов франков, пусть страшатся они могучих покровителей норманнской дружины. Борта четырех больших боевых кораблей были украшены рядами черно-красных щитов, а на мачтах поскрипывали нарядные, тонкой работы флюгеры. Ветер был настолько слабым, что флюгеры шевелились только на поворотах могучей посуды, когда рулевой Арни направлял движение по фарватеру большим дубовым рулем, напоминающим громадное весло.

Уже было далеко за полночь, и на берегу не светилось ни единого огонька. Только полная луна освещала призрачным светом кудрявые виноградники, спускающиеся ровными рядами к реке. Арни хорошо знал свое дело и правил подальше от берега, на середину реки – из темных зарослей удобнее нанести удар. Но кто мог решиться напасть на мощную дружину викингов, пусть даже и в чужой стране? Тем более что Нормандия теперь и не чужая для морских странников. Ричард Бесстрашный, внук конунга Рольфа Пешехода, или Дьявола, – кто как его называл, уже многие годы управлял герцогством, и никто пока не решился возразить ему силой своего оружия. Храбрый конунг отбил у короля франков эту землю, которая даже стала называться Нормандией в честь завоевателей с севера.

Ингмар оглянулся назад. Остальные корабли послушно поворачивали вслед за флагманом, как стая диких уток за селезнем. Было приятно ощущать под своим управлением мощную флотилию. Правда, свободолюбивые викинги не очень-то и подчинялись своему начальнику. По обычаю язычников каждый имел право свободной воли. Дружинников можно было скорее назвать компаньонами в этом походе, чем послушными солдатами. Правда, из этих своеобразных отношений в северной дружине проистекали и достоинства норманнского воинства. Викинги могут поспорить со своим командиром на привале, но зато они никогда не бросят его в бою. Если хевдинг погиб, вместе с ним падет смертью храбрых и вся его дружина. На того, кто бросил своего товарища на поле боя, и на весь его род ложился несмыслимый позор.

– Замок Мелан! – указал рукой в сторону левого берега Гро, рыжеватый блондин двадцати двух лет, коренастый не по годам. Своими светло-серыми, почти белыми глазами юноша всегда умудрялся увидеть все первым: и долгожданный берег Франции после многодневного морского перехода, и подкрадывающегося безлунной ночью врага. За эти важные достоинства и взяли в дружину четыре года назад еще совсем неопытного юнца.

И в самом деле, почти над самым берегом реки возвышались отвесные стены неприступной крепости. Зубчатые ограждения крепостных стен и могучие силуэты круглых башен четко вырисовывались на фоне звездного неба. Кое-где в бойницах мелькнули огоньки, и стало заметно некоторое движение. Но никто не окликнул их со стен замка – франки не знали, зачем прибыл отряд норманнов и как следует себя вести в этой ситуации.

– Давай, Арни, к берегу, – скомандовал Ингмар, и флотилия пристала к песчаной отмели. Дружинники попрыгали в воду с высоких бортов и начали устанавливать на берегу рамы для палаток из жердей с вырезанными на концах головами страшных зверей. Звери

должны были охранять покой спящих воинов. Не совсем надеясь на магические силы, Ингмар приказал выставить охрану из пяти человек: двое будут бодрствовать у костра, остальные – в тени кустов; трети экипажей было приказано спать, расстелив тюфяки, на ребристой обшивке внутри кораблей. Несмотря на усталость, Арни вытащил громадный бронзовый котел и принялся пристраивать его на железной треноге.

– К утру завтрак будет готов, – улыбнулся он в ответ на вопросительный взгляд хевдинга и пошел доставать из драккара припасы и специи.

Со стороны дороги, плавно поднимающейся к главной башне замка, послышался хруст гальки. Из темноты возникла фигура франка. Рослый черноволосый мужчина, около сорока лет, был почти без оружия, если не считать короткого меча, свисающего с широкого кожаного пояса.

– Я приветствую вас, мессир, – услышал его мягкий баритон Ингмар. – Мое имя шевалье де Беньот, я начальник стражи замка Мелан, – мужчина повел рукой в сторону крепостной стены.

Ингмар был удивлен дерзости командира франков, осмелившегося одному, ночью, отправиться в лагерь нормандцев, и сразу проникся уважением к бесстрашному гостю.

– Мы только заночуем у ваших стен, шевалье, а утром, если боги позволят, продолжим свой поход, – хевдинг встал и даже чуть-чуть поклонился.

Дружинники были удивлены такой учтивости своего предводителя и стали рассматривать смелого шевалье, осмелившегося прийти к ним в лагерь. Их бородатые лица сверкали такими зловещими улыбками при свете луны, что франк невольно поежился.

– Хорошо, мессир, спокойной ночи, – вежливо произнес он и поспешил поскорее ретироваться под защиту мощных стен замка.

Тем временем Арни уже разжег костер, и весенние ароматы природы дополнились приятными запахами готовящегося мяса, густо приправленного острыми специями.

Ночь выпала на редкость тихая и спокойная. Несколько ярких звезд мерцало над рекой. Кто-то затянул старинную песню, другие же стали забираться в палатки на ночлег.

Ингмар присел у костра. Норвежская песня о родине, которую пел красивым низким голосом молодой дружинник Карл, навеяла воспоминания о доме, сразу в памяти возникли яркие картины далекого детства.

* * *

Невысокий обширный дом, принадлежащий семье Ингмара, сложенный из грубых гранитных камней, и изнутри, и снаружи обшитых досками, стоял на вершине покатого склона, спускавшегося к фьорду. Сзади строение упиралось в стену елового леса, а впереди, недалеко от дома, плескались голубые воды фьорда. По утрам маленький Ингмар с братом бежали вниз, к кромке берега, и состязались в любимой игре – метании камешков. Побеждал тот, у кого камень дальше проскачет по воде. Хотя брат был старше и сильнее, камешек Ингмара почти всегда улетал значительно дальше. Брат злился и бросал «дурное дело». Затем мальчишки бежали в сторону селения. Здесь было интересно. У берега возвышались остовы строящихся кораблей, стучали топоры, слышался гомон плотников. Бывало, из походов возвращались викинги. Это был настоящий праздник. На берег выносили добытые в далеких странах товары. Порою это были результаты выгодной торговли, а иногда и трофеи, захваченные в битвах в заморских странах. Тут же воины и торговцы делали богатые подарки своим женам, матерям, братьям, слугам и другим близким людям, тем, кто терпеливо ждал путешественников, сохраняя домашний очаг. От диковинных вещей веяло дальними таинственными странами, незнакомыми народами. Было любопытно даже просто поглазеть на эти заморские товары, а уж получить их в качестве подарка – так и вообще счастье.

Двадцать лет назад, когда Ингмару исполнилось одиннадцать, вернулся из похода его дядя Альфхилд Лысый. Мужественный хевдинг, младший брат отца Ингмара, три года бороздил просторы Средиземного моря. Дружина вернулась с богатыми трофеями. Рыжебородый великан щедро наделял жену, мать, своих детей и других родственников роскошными подарками, и вдруг неожиданно его острый взгляд из-под кустистых бровей упал на худенького Ингмара. Альфхилд подозвал взволнованного племянника и вручил ему кривую сарацинскую саблю. Сердце мальчика зашлось от счастья. Украшенный тонкой восточной вязью, великолепный стальной клинок сиял под неяркими лучами северного солнца, вызывая завистливые взгляды сверстников. Ни у кого не было такого оружия! С тех пор мальчик ни на минуту не расставался с богатым подарком. Даже на ночь клал его под подушку.

Агот, старший брат Ингмара, сначала пытался хоть на время завладеть ятаганом. Но все его попытки были обречены на провал. Никогда Ингмар не выпускал дорогой подарок из рук. В конце концов, брат обозлился на «жадебу», и между ними на годы пролегла полоса неприязни. Долговязый Агот норовил отвесить незаслуженную оплеуху своему младшему брату, либо другими способами унизить и оскорбить его. Но Ингмар терпел. Жаловаться отцу было бесполезно. Ярл Дагфин, отец мальчиков, не считал нужным вмешиваться в дела своих викингов. Собственных сыновей он с пеленок считал настоящими викингами и предпочитал, чтобы они самостоятельно строили свои отношения.

– Чего ноешь? – бывало, спрашивал он у маленького Ингмара, размазывающего кулаком слезы по щекам в темном углу.

– Ничего, – злобно отвечал мальчишка.

– Вот это правильно, – тербил ярл сына по непослушным вихрам, – нечего жаловаться! – и уходил прочь.

Вспомнилось так же, как восемь лет назад, на празднике летнего солнцестояния, они боролись со старшим братом вот на таком же песчаном берегу, только очень далеко отсюда – в Норвегии, в Олесунфьорде. Под веселые возгласы зрителей двое молодых мужчин легли спиной на землю, рядом друг с другом, головами в противоположные стороны. Затем Ингмар крепко схватил своего противника за кожаный пояс, его соперник также ухватился за ремень Ингмара. Скрестившись нога за ногу, парни стали изо всех сил пытаться прижать ногу противника к земле. Зрители визжали и свистели, среди них была и девушка Фрейя, которая нравилась старшему брату. Хотя Агот и упирался изо всех сил, но его нога после продолжительной борьбы бессильно упала на зеленую траву – младший брат оказался сильнее. Расстроенный Агот не хотел даже вставать, а когда поднялся навстречу протянутой руке брата, то увидел, что Фрейя уже ушла. С того дня отношения между братьями, и так не очень хорошие, стали еще более натянутыми.

Мужчина думал о соотечественниках, которые сложили головы на чужих землях. Их кровью омыты песчаные берега Франции и зеленые холмы Англии, их кости лежат на дне великого океана за тысячи миль от снежных вершин Норвегии. Одинокие могилы викингов можно встретить и на просторах Руси, и в горах Испании.

«Что понесло этих людей на другой край света? – думал Ингмар. И сам же себе отвечал: – Гордость и честолюбие заставили этих смелых людей бороздить моря и океаны».

«Да, у нас в Норвегии не такая приятная природа, – размышлял хевдинг. – В мае может еще и снег посыпаться с серого промозглого неба. А тут виноград, персики, мандарины. Что занесло наших предков на холодный север?»

Ингмар чувствовал ответственность за своих людей. Он знал каждого с детства. Знал их жен, детей, родных. Жена Арни и четверо его детей долго махали вслед уходящим кораблям. Каково будет ей, если рулевой не вернется? Чем кормить сыновей? Да и трудно будет справляться с хозяйством без мужа уже немолодой женщине. Арни должен вернуться, и он должен вернуться не с пустыми руками...

Ингмара стало клонить ко сну. Заметив, что хевдинг уже почти спит, Арни, растолкав его, показал на палатку. Кивнув старому викингу, Ингмар отправился в свой походный дом и с удовольствием улегся на мягкий тюфяк – нужно было немного поспать.

Постепенно небо на востоке стало светлеть. Уже погасли маленькие звездочки, стыдливо зарделось бледное лицо луны, притихли ночные соловьи в ожидании нового дня. В нетронутой даже малейшим движением воздуха речной глади отражались розовое небо и темные заросли кустов на противоположном берегу Сены.

Природа застыла перед рассветом, даже дружинники в палатках прекратили свой грубый храп. Перед тем торжественным мигом, когда край золотого диска должен был появиться из-за зубцов далекого леса, все вокруг приняло ликующий вид.

Арни свернулся у костра, заснув в неудобной позе. Палочка, которой он поворачивал угли, совсем сгорела, и, если бы они не остыли, сжег бы викинг свою бороду в огне.

Солнца еще не было видно, но во всем чувствовалось его присутствие. Туман быстро рассеивался, кое-где проглянуло синее небо, и вдруг яркие лучи прорезали мглу и осветили влажную от росы землю. И сразу запели птицы, а неожиданный ветерок зашелестел листьями на кронах прибрежных ив.

Наконец рулевой ткнулся носом в свое колено и проснулся. Всходящее солнце окрасило его лицо алым цветом. Невидящими глазами он повел в сторону выбирающегося из палатки хевдинга.

– Мясо хорошо потушилось, Ингмар, – проговорил Арни, – вот только костер погас, все остыло. Пусть парни снова разожгут огонь.

– Только вот что завтра будем есть... – задумчиво продолжил повар.

– Думаю, в том лесу, – Ингмар показал на синеющие вдали макушки сосен, – должно быть много дичи.

– Неплохая идея.

– Поедем вшестером, – продолжил хевдинг, – возьмем тех, кто проснулся. Видишь, вон и Магнус уже встал. — Из палатки вылез помощник хевдинга, долговязый мужчина лет тридцати, могучего телосложения, с удлиненным суровым лицом.

– Магнус! – окликнул его хевдинг. – Готовь коней, поедем на охоту.

Норманн побежал сначала в кусты, а уж затем стал отмерять широкие шаги в сторону мирно пасущихся лошадей. Измученные тяжелым морским переходом, животные отъедались, наслаждаясь сочной французской травой. Вскоре охотников вместе с лошадьми переправили с острова на берег, и отдохнувшие кони рысью помчались в сторону леса.

Погоня

Утро было чудесным. На нежно-голубом небе медленно плыли небольшие облачка, дул легкий ветерок. Солнце только что взошло. Ласковое и лучистое, оно поднялось из-за горизонта и яркими лучами осветило все окрестности замка. А если так тепло с самого утра – значит, днем будет жарко. Наконец-то закончилась эта дождливая неделя, Кларисса не любила пасмурную погоду – приходилось сидеть в замке и заниматься шитьем или еще какой-нибудь скучной, монотонной работой. Молодой девушке больше нравилось скакать на лошади по окрестным лесам, пусть даже и с охранниками. Она даже несколько лошадей держала в ближней деревне, принадлежащей графам Мелана. Одному из вилланов было поручено жить при конюшне в деревне, ухаживать за лошадьми, выгуливать их и кормить. Так решил отец Клариссы, граф Мелана, Эдмонд Монье. Он опасался за судьбу своей семьи и хотел иметь возможность при атаке норманнов или других врагов быстро вывезти жену и детей в безопасное место. А лошадей вряд ли удалось бы незаметно переправить на берег с острова, где располагался замок Мелан, если бы он подвергся нападению. Бедный отец! Он был такой разумный и предусмотрительный! Но злая судьба все равно настигла его. Могучий граф Мелана был слишком сильным, слишком уверенным в себе и в своем счастье мужчиной, чтобы прислушаться к просьбам дочери и жены и не ехать в аббатство Монтэ Касьон в тот роковой день. Сердце девушки сжалось от горьких воспоминаний. Что за жуткий год был 966-й от Рождества Христова для их семьи! Сначала маленький брат повредил себе спину, упав с пони, – так и не выздоровел до сих пор... неизвестно, встанет ли он когда-нибудь с этого кресла. Потом ужасная беда снова пришла в их дом. Были убиты ее отец и мать при нападении викингов на аббатство.

У Клариссы опять набежали слезы на глаза. Она стояла возле открытого окна и глотала соленую влагу, ничего не видя через пелену слез, снова вспомнив этот страшный день, когда привезли окровавленные тела ее родителей.

«Ну хватит! Прекрати ныть, – одернула себя девушка, – нужно быть мужественной и крепкой если не для себя, то хотя бы ради брата!»

– Мадемуазель Кларисса, отец послал меня передать вам, что к переправе приближается кавалькада сватов, если судить по их красивым нарядам, – в спальню графини, постучав, вбежала дочь начальника стражи, хорошенькая кареглазая толстушка Бланка, наперсница и подруга юной графини. У начальника стражи рано умерла жена, больше он не женился. Его дети росли вместе с детьми его сеньора, графа Эдмонда, и были хорошими друзьями. У Бланки был добродушный мирный характер, в замке ее все любили. Графиня тоже была рада такой подруге, поскольку редко бывала где-либо, кроме своего замка.

– Это опять треклятые женихи! Будь добра, Бланка, передай своему отцу, пусть скажет гостям, что меня нет дома, мол, уехала вчера утром. Придумай, куда я уехала, только мне потом не забудь сказать, чтобы не попасться на вранье. А мы с тобой поедем на прогулку в лес, посмотри, какая чудесная погода. Надоело сидеть в замке! Мы чудесно прокатимся вон по тому лесочку, возле селения Риче. Пройдем по тропинке к моей любимой иве, там всегда привязана лодка. Пусть Пьер возьмет с собой весла. Ну, давай быстро, а то не успеем.

Роскошно одетые гости еще не успели сойти с парома, а девушки уже пробирались густыми кустами к спрятанной в зарослях лодке. На противоположном берегу в конюшне беглянок встретили тихим ржаньем их лошади, Суси и Азбо. Слуге Пьеру было приказано дожидаться графиню с подругой возле конюшни, невзирая на его предупреждения об опасностях, подстерегающих таких юных девушек в лесу. Но молодая графиня сказала, что они далеко не поедут и скоро вернуться. Так что беспокоиться Пьеру не о чем.

«Беньот скажет гостям, как я ему приказала, мол, графиня уехала и вернется не раньше чем через неделю, – с удовлетворением подумала Кларисса, – а мы тем временем славнo прогуляемся».

– Суси, гони, – негромко проговорила Кларисса и легонько хлопнула рукоятью плетки по серому в яблоках крупу. Кобыла пошевелила ушами и весело понеслась по сочной зеленой траве. Сзади за графией скакала Бланка на своем черном, лоснящемся на солнце Азбо. Лошади шли уверенной рысью, из-под их копыт вылетали комья черной земли, а утренний ветерок доносил из деревни запахи готовящейся на очагах пищи. Настроение у девушек было превосходное. Наконец наездницы оказались под широкими кронами буков – здесь можно было сбавить темп.

– Ау, – закричала Кларисса и захохотала.

Из далеких зарослей орешника отозвалось глухое эхо.

Графине было весело оттого, как ловко они убежали от надоедливых женихов.

– Бланка, смотри! – Кларисса указала плеткой на большого марала, задумчиво пережевывающего молодую листву.

Олень и не думал убегать. Ветвистые коричневые рога казались ему надежным оружием. Влажный ветерок приносил запахи лесных растений, шелестел шелковыми юбками наездниц, а набиравшее силу утреннее солнышко весело мигало сквозь кроны развесистых буков. Весело переговариваясь, всадницы повернули своих лошадей в сторону чащи.

Ингмар направлял неторопливо рысившего Дагни поглубже в лес. Время от времени хевдинг поднимал вверх левую руку, и его игрневый жеребец затихал. Казалось, в этот момент умное животное даже не дышало. Останавливались и остальные дружинники, следовавшие за командиром. В эти мгновения мужчины прислушивались к звукам леса. Где-то далеко вверху шумели кроны могучих деревьев да поскрипывали их толстые стволы – и больше никаких других звуков. Видно, лесная дичь почуяла запах охотников и попряталась от метких скандинавских стрел. Что-то хрустнуло справа – Ингмар оглянулся и увидел Магнуса. Молодой мужчина развел руки и изобразил на лице извинение: его конь наступил на сухую ветку. Вождь норманнов опять прислушался. Когда охотники уже собирались продолжить путь, ему послышался какой-то далекий звук. Опять все замерли. Из глубины леса доносились обрывки веселой беседы и женский смех. Легкий ветерок принес всего несколько слов. Гро поднял к небу палец в знак всеобщего внимания. Затем его палец был направлен в сторону опять зазвучавших голосов, и, наконец, его кисть сжалась в кулак с оттопыренным большим пальцем. Лицо молодого викинга растянулось в чувственной улыбке. Ингмар утвердительно мотнул головой, и вся группа, стараясь не производить излишнего шума, пошла рысью к заветной цели.

Кларисса наслаждалась прогулкой. Не часто удавалось, бросив все дела, просто погулять в лесу. Хотелось спрыгнуть с Суси и нарвать лесных цветов, но утреннее солнышко уже начинало припекать и по телу разлилась приятная истома. Суси тоже прониклась настроением хозяйки и неспешно брела по узкой тропинке, извивающейся между могучими стволами. Порой кобыла останавливалась надолго и что-то собирала внизу своими толстыми губами. Вдруг лошадь замерла и стала усиленно стричь ушами. Девушка сначала не обратила на это внимания, но потом, почувствовав беспокойство животного, стала озираться вокруг, напряженно прислушиваясь. Лес издавал свои обычные звуки: где-то далеко вверху ветерок шумел кронами деревьев, мирно шелестели листья, издали доносился трубный голос оленя. Лошадь напряглась, Кларисса тоже замерла, прижавшись к ее теплой шее, и стала осматриваться. И вдруг девушка почувствовала странное жжение на спине, между лопатками. Это было неприятное ощущение чужого взгляда. Опасаясь сделать резкое движение, Кларисса медленно обернулась – от ужаса в груди даже похолодело. Поодаль, в

зарослях орешника, отчетливо вырисовывалась фигура всадника. Он был не очень далеко, и девушка явственно ощутила острый хищный взгляд. Мужчина придерживал своего коричневого жеребца, чтобы тот не шумел, а другую руку положил на рукоять короткого меча. Даже отсюда можно было увидеть похотливую улыбку в короткой светлой бороде.

– Бланка, викинги! – завизжала Кларисса и с силой ударила кобылу плетью по крупу.

От неожиданности Суси встала на дыбы и дико заржала, в следующее мгновение ветки стали нещадно хлестать девушку по лицу; сзади был слышен глухой стук копыт коня подруги. Кларисса обычно не била лошадь, но сейчас ее плетка отчаянно хлестала по серым бокам.

– Давай, Суси, давай, – испуганно молила девушка и плотнее прижималась к лошади. Ветки не давали ей даже взглянуть на дорогу, и кобыла сама выбирала путь. Кларисса уже не слышала сзади топота Азбо и не видела Бланку. Только где-то слева, сзади, послышалось дикое гиканье. Викинг был не один. Снова сзади раздался резкий свист, и Суси помчалась еще быстрее.

– Боже, спаси нас! – в отчаянье лепетала испуганная девушка.

– Она очень хороша, – прошептал Ингмар, разглядывая красавицу. Незнакомка была совсем молода, по-видимому, ей не исполнилось и двадцати. На нежном округлом личике блестели большие зеленые глаза, опущенные густыми темными ресницами. У красавицы был небольшой прямой нос, изящные скулы с легким румянцем, маленький пухлый рот с полуоткрытыми розовыми губками. По узким плечам незнакомки ниспадали волнистые золотисто-каштановые пряди, доставая почти до пояса. Широкая бордовая юбка слегка откинулась, обнажив грациозную девичью ножку в чулочке из эластичной ткани, чуть выше колена увенчанную кружевной подвязкой – у Ингмара сразу припекло в паху. Рука очаровательной красотки безвольно повисла – казалось, что маленькая плетка, которую она сжимала изящными хрупкими пальцами, вот-вот упадет на траву. Ингмар придерживал Дагни за поводья, чтобы конь не вспугнул лесную фею. Справа раздался легкий хруст, и викинг увидел вторую девушку. Это была кареглазая черноволосая пышечка. Девушка в упор смотрела на Магнуса, который беспечно выезжал из зарослей. Помощник Ингмара даже не заметил присутствия девушек на своем пути.

Вдруг зеленоглазая красавица испуганно закричала, увидев их с Магнусом, и обе путешественницы с шумом и хрустом ринулись в лесную чащу.

– Ничего, не уйдете, – процедил Ингмар и свистнул. По его сигналу все охотники вонзили шпоры в бока своих коней, и погоня началась.

– У-лю-лю, – закричал слева Гро, и дружинники понеслись вслед за мелькающими в чаще юбками. Ингмару даже показалось, что он чувствует приятный запах юной девушки. Возбужденного мужчину охватил азарт погони – тем более что приз был весьма желанным, и он снова прищипорил своего коня. Но его жеребец уже храпел от нетерпения и делал могучие длинные прыжки без дополнительного понукания.

Ингмар посмотрел вперед – серая кобыла беглянки шла прямо на узловатый ствол могучего бука. На мгновение даже стало страшно за жизнь юной всадницы. Но вот кобыла резко свернула, и лишь бордовая юбка с выбившейся из-под нее белой сорочкой хлестнули по дереву. Викинг сбавил темп.

«Так недолго и свернуть себе шею, красавица», – усмехнулся Ингмар.

Преследуемые всадницы разделились. Пышечка ушла куда-то далеко влево, туда, где, по мнению хевдинга, должна быть излучина реки. За ней, судя по звукам, увязались и остальные охотники.

А ее подруга, зеленоглазая фея, уклонилась вправо. Здесь местность пошла под уклон, и в воздухе запахло гнилостными испарениями болота. Норманн понял, что девушка не управляет лошадью. Кобыла сама выбирала дорогу и, так же как и ее хозяйка, была сильно

испугана. Впереди послышалось короткое встревоженное ржание – по хрусту можно было определить, что лошадь резко повернула правее, туда, где лес становился более темным. Ингмар старался не мешать своему жеребцу. Одной рукой он придерживал на весу поводья, а другой прижимал к бедру свой меч, чтобы тот не хлестал по боку Дагни. Норманн привстал на стременах и выбирал более безопасную дорогу, помогая жеребцу пробираться через чащу.

Лес стал мрачным и сырым. Кругом путь преграждали поваленные гнилые стволы и наклоненные засохшие деревья. На одном из поросших мхом бревен Дагни поскользнулся и чуть не сломал себе ногу. Мужчина натянул поводья и стал приостанавливать разгоряченного коня.

Скакать здесь с такой скоростью было опасно. Ингмар прислушивался к звукам, стараясь уловить направление, в котором исчезла девушка.

«Ничего, – хмыкнул хевдинг, – далеко не ускачет эта куколка по такому бурелому. Все равно моя будет! Только бы не разбилась. Жаль будет, если пропадет такая красота».

Ингмар остановил жеребца и прислушался. Хруст был слышен уже довольно далеко. Наездница ни на что не обращала внимания и не поняла, что преследователь отстал. Ее кобыла продолжала все крушить на своем пути. Норманн вспомнил прелестное лицо француженки, и его охватило волнение. Ему захотелось непременно догнать беглянку. Ингмар чуть тронул поводья, и Дагни продолжил погоню.

«Видно, жеребцу приглянулась серая кобылка, – отметил викинг. – Но и мне тоже... другая, с каштановыми локонами!»

Наконец и Кларисса поняла, что преследователь отстал. Но взбеленная Суси продолжала нестись через заросли. Лес потемнел и стал зловеще мрачным. Кругом валялись поваленные деревья – вывернутые с корнем, позеленевшие стволы преграждали путь скачущей лошади. Вдруг заросли расступились, и лошадь вылетела к обширному болоту. С нижнего края болота окаймляла образовавшаяся из поваленных стволов и сучьев плотина. А слева водоем затянула густая тина, покрытая зарослями кувшинок. Суси направила свой галоп по хлипкой плотине и уже, сделав несколько прыжков, поскользнувшись на гнилом стволе, рухнула всем телом в трясину. В момент падения Кларисса со всей силой оттолкнулась от взмыленного тела кобылы, чтобы не попасть под лошадь после приземления. Этот прыжок удался девушке, и она плюхнулась в болото, дальше от кобылы на пару футов. Совсем очумевшая Суси напрягла все свои силы, резким движением передних ног вдруг вскочила обратно на плотину и рухнула куда-то вниз, исчезнув из пределов видимости Клариссы.

Холодная вода мгновенно охватила все тело девушки, так что на мгновение у нее остановилось дыхание. Она попыталась встать, но ее ноги провалились в булькающую тину. Вокруг, слева и справа, стали подниматься пузыри зловонного газа, а тело ее постепенно стало поглощаться черной жижей. Интуитивно девушка почувствовала, что шевелиться опасно. Она затихла и оглянулась вокруг. Верткая сорока прилетела и уселась недалеко от тонущей Клариссы и посмотрела на нее внимательным черным глазом. Птица громко вскрикнула и улетела прочь. Графиня напряженно прислушалась. В пустынном лесу уже не слышно ни звуков погони, ни криков, ни свиста викингов. Только трещат где-то сверху от порывов ветра стволы да щебечут безучастные птицы.

– А-а-а! – закричала она, но ее слабый голосок растаял в шелесте леса. – Бланка! – вновь закричала девушка, и горячие слезы бессилия потекли по ее щекам.

Кларисса затихла. Ужас охватил ее душу. Постепенно холод начал сковывать ее тело, пробираясь к самому сердцу. Она уже перестала ощущать ступни, поясницу стали пронизывать острые иглы боли. Девушка в тщетной надежде оглядывалась вокруг. Длинные тонкие стволы деревьев были почти лишены сучьев и лишь далековерху увенчивались кронами. Деревья гнулись и скрипели под ударами бушующего сверху ветра. А здесь, в низине, движения воздуха совершенно не ощущалось.

Внезапно Кларисса увидела в лесу, недалеко от плотины, темную фигуру. На мужчине была грубая накидка из серой ткани, а голову покрывал островерхий капюшон такого же цвета. Лицо незнакомца оставалось в тени. Он молча стоял и смотрел на тонущую Клариссу, даже не пытаясь помочь девушке.

– Месье, – взмолилась молодая графиня, – прошу вас, помогите! Я графиня де Мелан, я вас отблагодарю за помощь!

– Стану я лезть в болото, рискуя собой, чтобы помочь тебе, – раздался скрипучий голос из-под капюшона. – Ведь когда моя Лаура умирала от голода, разве помог нам тогда твой отец?

– Прошу вас, месье! – заплакала Кларисса и попыталась вытащить руку из тины. От этого судорожного движения девушка еще больше погрузилась в трясину, и жидкая грязь уже полностью покрыла предплечья и подступила к груди.

– Вот сдохни и ты, отродье этого гада! Когда встретишь его на том свете, расскажи своему папаше, что ему следовало хоть иногда быть милосердным, – незнакомый виллан отвернулся и зашагал прочь.

В отчаянии девушка зарыдала. Холодное болото все сильнее и сильнее затягивало ее тело в свою страшную глубину. Вдруг Кларисса услышала резкий хруст сучьев. В следующее мгновение на плотине возник силуэт всадника на коричнево-золотистом коне. Это был викинг. Мужчина быстро соскочил с коня и несколькими точными движениями короткого меча срубил небольшую березку. Затем он привязал себя крепкой веревкой к толстой сосне и, бросив белый ствол на поверхность болота, проворно пополз по ветвям. При этом он не сказал Клариссе ни слова. Уже через минуту девушка почувствовала на своем воротнике сильную мужскую руку. Кларисса хотела вырвать руку из трясины, чтобы схватиться за мужчину, но вязкая жижа не отпускала ее. Ингмар потянул за воротник, но он с хрустом оторвался. Страх сжал сердце девушки. Тогда хевдинг придвинулся еще ближе, и его жесткая рука проникла через грязь под грудь тонущей красавицы. Девушка почувствовала, как могучая теплая рука обхватила ее выше талии и потянула на себя. Трясина начала поддаваться, и вскоре Кларисса оказалась на гребне плотины в руках викинга. Потоки воды и грязи стекали с окончательно уничтоженного платья, а онемевшие ноги отказывались ей подчиняться. То ли от страха, то ли от холода, но девушку стала бить сильнейшая дрожь, голова у нее закружилась. Ингмар подхватил ее на руки и громко свистнул. На его зов быстро явился игрневый Дагни, и уже через минуту хевдинг вместе со спасенной девушкой сидели в седле. Ингмар отвязал от седла широкий плащ из толстой черной шерсти и обернул им и девушку, и себя. Закоченевшая Кларисса ощущала тепло, исходящее от мощного мужского тела, и не стала сопротивляться, когда норманн властной рукой прижал ее к своей груди.

Ингмар по-прежнему молчал. Потихоньку сознание стало возвращаться к красавице. Безмерная радость оттого, что она осталась жива и не утонула в страшном болоте, обхватила ее. Она ощущала даже теплое чувство к этому викингу, из-за которого и попала в такую беду. За те короткие страшные минуты девушка испытала настоящее потрясение оттого, что всему миру было так безразлично, будет ли она, Кларисса, жить или захлебнется в зловонной болотной жиже. Было очень приятно ощущать себя спасенной, а какое, оказывается, удовольствие – ехать по весеннему лесу в надежных крепких объятьях! Рядом билось сильное сердце мужчины, его теплая рука крепко держала Клариссу, а игрневый конь шел быстрой рысью в сторону от плотины, удаляясь от проклятого болота.

– Вы уже пришли в себя, мадемуазель? Как вас зовут? – хриловатый баритон викинга вернул Клариссу к реальности. Было ясно, что викинг еще недавно жил у себя на родине – говорил он с сильным акцентом. Девушка еще не совсем пришла в себя, но ощутила, что рука викинга излишне сильно прижимает ее к своему мускулистому телу.

– А разве это имеет значение? — сделала вид, что удивилась, Кларисса.

– Я ожидал услышать горячие слова благодарности, – произнес Ингмар с холодной усмешкой, – а вы даже имя свое назвать не хотите.

– Но вы должны согласиться, мессир, – Кларисса заговорила уже уверенней, – что и доля вашей вины присутствует в том, что я упала в болото. Если бы вы и ваши друзья не преследовали нас, мы бы спокойно продолжили свою прогулку по лесу. Таким образом, вы скорее исправили свой неблагоприятный поступок, чем совершили подвиг.

– Мне что, и прощения следует у вас попросить за то, что вытащил из трясины? — поразился ее наглости хевдинг.

– За спасение, конечно, я вам благодарна, – уже улыбнулась девушка, – но вот испорченное платье уж точно на вашей совести.

– Благодарность на словах, как завтрак на картинке, – ответил Ингмар, – видит око, да зуб неймет. Предлагаю другой вариант: мы оба искупаемся и смоем всю эту грязь, я помогу вам прополоскать в реке ваше платье, а вы придумаете, как отблагодарить меня поинтересней.

С этими словами Ингмар направил своего коня к излучине Сены, которая уже виднелась из-за поредевших деревьев.

Кларисса почувствовала, что тучи вновь сгущаются над ее головой.

– А может, вы просто отпустите меня?

– В таком виде? – презрительно рассмеялся викинг. – Да вас примут за бродяжку, а еще вероятней за дешевую потаскушку, и ваша доля может оказаться намного хуже той, которую я вам предлагаю.

Девушка взглянула на свое платье и постаралась отодвинуться подальше от наглой жесткой руки.

– И что, вы будете полоскать мое платье?

– Да, мы, викинги, сами стираем себе одежду в походах.

Наступила пауза. Кларисса не знала, что предпринять. А тем временем Дагни уже вынес охотника с его добычей на песчаный берег реки. Солнце поднялось уже довольно высоко и согревало все вокруг своими ласковыми лучами. Викинг соскочил с коня и аккуратно спустил девушку на землю. Кларисса, лишь оказавшись на надежной земле, обратила внимание на своего спасителя. Прикрыв глаза ресницами, она стала украдкой рассматривать рослого широкоплечего норманна. Пленница испытывала двойственное чувство. С одной стороны, викинг был причиной ее страданий, но, с другой стороны, как ни крути, он не побоялся полезть в трясины, чтобы спасти ее. К тому же она не могла не признать, что северянин оказался привлекательным мужчиной. Графиня никогда раньше не видела норманнов вблизи, только издали, когда свирепые захватчики атаковали их замок. С высоких крепостных стен они казались ей грубыми и безобразными, со своими широкими лицами и злобными ухмылками во всклокоченных рыжих бородах.

Увидев, что мужчина отвлекся, девушка широко распахнула глаза и теперь уже без стеснения стала рассматривать красивого варвара. Он был намного выше Клариссы – она лишь доставала до плеча норманна. Спутанные пшеничные волосы, добела выгоревшие на южном солнце, обрамляли суровое лицо с широко расставленными голубыми глазами, опущенными густыми ресницами цвета темного меда. У него был прямой точеный нос, слегка приподнятые скулы, резко очерченные чувственные губы, искривленные в неприятной усмешке, сильный, волевой подбородок с коротко подстриженной бородой... варвар оказался не рыжий и не уродливый, а совсем напротив... графиня так засмотрелась на язычника, что невольно вздрогнула, когда услышала его низкий, приятного теплого тембра голос.

– Ну что, мадемуазель, сами снимете платье или помочь? – нетерпеливо осведомился нахальный чужеземец.

Кларисса оглянулась. На другом берегу Сены виднелись стены родного замка. Стражники, конечно, видят их с викингом. Но издалека они вряд ли узнают свою графиню, да еще в таком перепачканном наряде.

– Нет, – сказала девушка, – лучше я вернусь домой и сама постираю свою одежду.

– Увы, мадемуазель, без благодарности я вас не отпущу, – викинг ступил было к девушке, но она отпрянула в сторону.

– Хорошо, хорошо, я сама, – вспыхнула пленница и стала распутывать ленты мокрого платья.

В глазах мужчины блеснул хищный огонек. Его руки стали ловко развязывать завязки промокших во время спасения Клариссы штанов.

Несчастливая графиня конвульсивно сглотнула, бросив взгляд на облепленные мокрыми штанами мощные бедра норманна. Его восставшее «мужское достоинство» красноречиво свидетельствовало об его гнусных намерениях.

– Я так и знала! Мне говорили, что викинги насильники!

– Что вы, мадемуазель! – светлые брови викинга поднялись с деланным изумлением. – У нас на родине за насилие над девушкой грозит смертная казнь. Но я думаю, что вы, конечно, не девушка?

Лицо Клариссы залила алая краска гнева.

– Нет, я дракон, – ехидно процедила она.

– Ну, тогда ладно. С драконом я как-нибудь справлюсь, – ухмыльнулся Ингмар. – Но я не насильник, вы просто обещали отблагодарить меня.

– Я обещала?

– Мне, наверное, нужно было заставить вас клясться еще тогда, когда вы сидели в трясине. Тогда бы вы мне что угодно пообещали!

– Хорошо, – с трудом проговорила Кларисса, – но вы мне хоть дадите возможность спокойно снять платье? Или будете сверлить даму своими бесцеремонными глазками?

– Ладно, – вынужден был согласиться возбужденный Ингмар и нехотя отвернулся. У него не было женщины уже более двух недель, а погоня и красота пленницы распалили до последнего предела.

Девушка быстро скинула грязное платье и осталась в нижней рубашке. Она повернулась спиной к реке и, наблюдая за норманном, стала тихонько заходить в воду. Через пару минут беглянка уже отошла от берега на добрый десяток футов, а вода еще не поднялась выше колен. Тонкая, вышитая зеленым шелком рубашка раздувалась на ветру. Ингмар хотел было повернуться...

– Нет, нет, – воскликнула Кларисса, – я еще не готова! Графиня знала, что в этом месте, на повороте, большая песчаная отмель простирается до самой середины реки. Дальше глубина русла реки резко увеличивается, там фарватер, за которым недалеко и противоположный берег. Девушка все пятилась назад, а бесстыжий насильник все стоял спиной к реке. Наконец она упала и почувствовала холодную струю мощного течения.

Ингмар обернулся и увидел, что его пленницы нигде нет. Викинг окинул все взглядом и заметил, что темная головка девушки уже барахтается у противоположного берега Сены. Рассвирепевший мужчина с ревом помчался по песчаной отмели вслед за беглянкой – во все стороны летели тучи брызг из-под сильных ног. Последний раз Ингмар увидел девушку, когда провалился в холодную стремнину. Изящная фигурка в мокрой нижней рубашке мелькнула в кустах на другом берегу. Через тонкую ткань были хорошо видны округлые ягодицы и узкая талия. В следующее мгновение одетый в тяжелую кожаную тунику, с мечом на поясе Ингмар резко пошел на глубину. Холодные тугие струи охватили его тело. Викинг стал отчаянно грести руками и ногами, пытаясь достичь поверхности. Прошло несколько минут, прежде чем Ингмар, совсем выбившись из сил, смог вдохнуть воздух

полной грудью. Он оглянулся. Сильным течением его снесло далеко вниз от места, где раздевалась пленница. Самой девушки нигде не было видно.

Незадачливый охотник тяжело вылез на берег и зашагал в направлении спокойно пасущегося Дагни. Жеребец взмахивал длинным хвостом, отгоняя надоедливых мух. Когда хозяин подошел к коню, тот поднял длинную морду и с удивлением посмотрел на приближающегося мужчину. С одежды Ингмара стекали потоки воды, сапоги чавкали, как две лягушки. Викинг снова посмотрел по сторонам. Никого! Лишь бордовое грязное платье, лежащее бесформенной кучкой, напоминало о его непроходимой глупости.

О, коварная дочка Хель! И он тоже хорош, простодушный осел! Чтобы он когда-нибудь их послушал! Вечно обманут!

– Ушла красotka, – меланхолически констатировал Магнус, выезжая на берег Сены. Его взору предстал обозленный и совершенно промокший хевдинг; на берегу валялось мокрое и грязное женское платье.

– Наша тоже ушла, – сообщил друг, — выскочила в поле, а там крестьяне. Не будем же мы ее ловить на виду у всех!

– Это правильно, – буркнул Ингмар. Он не стал рассказывать, как позорно упустил свою пленницу. Пусть лучше думают, что он ее вообще не догнал.

– Ну а как там наши охотники? Будет у парней мясо на обед? – спохватился хевдинг.

– О, а они с хорошей добычей! Двух лосей подстрелили.

* * *

Наконец измученная девушка добралась до подвесного моста, который был переброшен через глубокий ров, окружающий замок Мелан. Не обращая внимания на потрясенные лица стражников, графиня спросила, вернулась ли домой Бланка. Получив утвердительный ответ, быстро пробежала по широким дубовым доскам.

С этим мостом у Клариссы были проблемы. Проходить по массивному подвесному мосту ей всегда было страшно. Особенно в детстве. Внизу, во рву, окружающем высокую толстую стену из красного кирпича, таинственно поблескивала вода. Оттуда тянуло запахом тины и раздавалось веселое кваканье лягушек. Мост дрожал от топота копыт и тяжелых ударов колес груженных повозок, и девочка спешила побыстрее ступить на твердую землю. Маленький Альберт, ее братец, которого она обычно тащила за руку, капризничал и сопротивлялся – он хотел подойти к краю дубового помоста и бросить что-нибудь вниз. А строгая сестра настойчиво увлекала малыша подальше от опасного места. Кларисса знала, что в глубине зеленых вод лежат десятки скелетов. Замок графа Мелан был расположен на небольшом острове в реке Сене и последние годы постоянно привлекал внимание викингов, этих морских разбойников. Несколько раз быстроходные драккары северян подплывали к высоким стенам замка. Пока Мелан был для них неприступен. В далеком прошлом многие викинги сложили свои головы под высокими стенами замка. Девушка вздрагивала, когда вспоминала отчаянные крики защитников крепости, звон мечей, тяжелые удары бревна в ворота. Запах дыма с тех пор всегда напоминал ей пожар, вспыхнувший в замке во время осады. Но все кончалось хорошо, замок успешно оборонялся, викинги уплывали восвояси, и дети, Кларисса, Бланка и малыш Альберт, под бдительным присмотром слуг весело бегали по теплой гальке, возле реки, где еще недавно стояли боевые корабли варваров. Здесь было много интересного: мелкие рыбки серебристыми стайками грелись на солнце, на отмели; вдали проплывали небольшие лодки, в зарослях на противоположном берегу реки пила воду пугливая косуля.

Прошли годы. Всякий раз, когда Кларисса выходила на высокую крепостную стену и бросала свой взгляд на дорогу, она вспоминала теплую влажную ручку брата в своей

ладони. Судьба непоседы оказалась трагичной. Мальчик упал с коня и повредил позвоночник. Травма зажила, но ходить Альберт уже не мог. Тогда в один из пасмурных осенних дней родители Клариссы поехали в аббатство попросить Бога о выздоровлении наследника. Старшая дочь графа обладала особым даром – она могла предвидеть будущие события. Точно Кларисса не могла сказать, что произойдет, но если она ощущала непонятную тревогу – значит, жди неприятностей. Она помнила, как сжалось ее сердце в тот памятный день при виде родителей, уезжающих сквозь пелену серого холодного дождя. Кларисса отчаянно просила отца перенести поездку, но граф был непреклонен. Ее отец, Эдмонд де Мелан, отличался жестким и своенравным характером. По глазам матери было видно, что она поддерживает Клариссу. Но ее мольбы не помогли, мужчины редко меняют свои планы из-за женских предчувствий. И беда не заставила себя ждать. Аббатство подверглось нападению викингов. Морские разбойники не пощадили никого. Вилланы рассказывали, что норманны изрубили всех людей в монастыре в кровавое месиво, а потом все подожгли. Никто не вышел оттуда живым, тяжелый запах паленой плоти еще долго отравлял воздух вокруг аббатства.

С тех пор юная девушка осталась сиротой, с мальчиком-калекой на руках. На хрупкие девичьи плечи легла ответственность за судьбу графства. Хорошо еще, что в замке были верные семье графа Мелан люди, да и начальник стражи честнейший и преданный человек. Но все же Кларисса испытывала острое одиночество. Не с кем было посоветоваться в сложных вопросах, никто не мог поддержать ее в трудную минуту.

Сватовство

В этот солнечный летний день юная графиня взошла на стену замка с тяжелыми мыслями. Ее опять посетило предчувствие. Вскоре должно будет произойти что-то нехорошее... и она с ужасом увидела на плесе острова, возле замка, несколько больших кораблей викингов, освещенных лучами восходящего солнца. При виде высаживающихся на берег рослых мужчин в латах, с длинными мечами и круглыми разукрашенными щитами Клариссу охватила нервная дрожь.

Сзади неслышно подошел Эд де Беньот, начальник стражи. Мужчина оперся локтями на край ограждения стены и внимательно следил за действиями норманнов.

– Это визит, а не нападение, – наконец вздохнул с облегчением воин. Графиня вопросительно изогнула тонкие изящные брови.

– Да, мадемуазель, – пояснил Эд, – воины одеты в парадную одежду – это свита нашего соседа, герцога Нормандии.

Кларисса стала напряженно вглядываться в лица незваных гостей.

– А вон и сам главный визитер, – указал де Беньот рукой на крупного молодого мужчину, вылезавшего из корабля. У Ричарда была рыжая, бесформенная шевелюра и круглое, красное от веснушек лицо. Герцог бросил невидящий взгляд своих маленьких глаз в сторону крепостной стены и стал поправлять нарядное платье. В отличие от услужливых франков никто из викингов не бросился помогать своему высокопоставленному соплеменнику. Ричард отряхнул рыжую бороду и провел рукой по короткой кольчуге, состоящей из небольших пластин. На груди и по нижнему краю кольчуги пластины были позолочены, и на них виднелся сложный орнамент. Только богатой кольчугой, а еще золоченым высоким шлемом герцог отличался от остальных воинов.

Наконец норманны построились и быстрым шагом направились к воротам замка. Кларисса убежала в свои комнаты, чтобы поменять одежду. По приказу Эда тяжелый подвесной мост медленно поплыл вниз.

Когда викинги вошли в парадный зал замка, Кларисса сидела на стуле с высокой спинкой у большого камина. Девушка успела переодеться – на ней была новая туника из изумрудного китайского шелка, ее рукава были разрезаны от плеча до узкой манжеты. Множество небольших серебряных пуговичек скрепляли разрезы, из-под которых виднелась дорогая, вышитая нежным светло-зеленым шелком рубашка. Каштановые локоны обрамляли бледное лицо графини, большие зеленые глаза с тревогой смотрели на входящих в зал мужчин. Кларисса вежливо встала и присела в изящном реверансе, приветствуя могущественного герцога. Ричард неуклюже поклонился и изобразил приветливую улыбку, оскалив ряд крупных зубов. Графиня и герцог опустились на стулья; норманны из свиты герцога продолжали стоять, с интересом рассматривая убранство главного зала замка Мелан.

– Мессир, – первая начала графиня по праву хозяйки, – чем обязана столь неожиданному визиту?

Несмотря на свой юный возраст, девушка держалась довольно надменно.

– Я объезжал свои владения, – ответил ей Ричард с холодной улыбкой, – и не отказал себе в удовольствии посетить одного из своих добрых соседей, да и еще столь приятной наружности.

Кларисса вежливо улыбнулась, но в душе девушки все содрогнулось от неприязни к своему опасному гостю. Норманны убили родителей графини, захватили ее родной край, и вот теперь их герцог, тоже норманн, приехал к ней в замок.

– К тому же, по праву соседа, я могу воспользоваться вашим гостеприимством, графиня, – как бы в шутку добавил герцог. По-видимому, викинг понял сложное настроение хозяйки замка. Грубому норманну нельзя было отказать в чувствительности.

– Мой дом всегда к вашим услугам, мессир, – как-то вяло ответила Кларисса, предугадывая неладное, – не изволите ли позавтракать?

– Честно говоря, не откажусь.

Вскоре расторопные слуги уже накрыли длинный стол расшитой скатертью и расставили на нем всевозможные блюда. Дружинники из свиты герцога стали с удовольствием рассаживаться на скамьях. Ставни на окнах зала были открыты, и в помещение врвался свежий утренний ветерок. Вдали виднелась серебристая излучина Сены, зеленели поля и сады на противоположном берегу реки, а среди них выглядывали соломенные крыши домов.

Ричард мигом расправился с копченой куропаткой, отдал должное превосходно приготовленному бараньему рагу и вновь обратил свой взор на прелестную хозяйку замка.

– Мог бы я поинтересоваться, мадемуазель, а не трудно ли вам, такой юной и хрупкой, управлять и замком и графством?

Кларисса выдержала паузу, делая вид, что очень занята кубком с виноградным соком, но ее яркие зеленые глаза внимательно посмотрели на гостя.

– Я еще могу поверить, что женщина может управлять хозяйством замка, но стоять во главе графства, командовать воинами, организовать в случае необходимости защиту замка... – продолжил герцог, так и не дождавшись ответа.

– У меня хороший начальник стражи, мессир. Шевалье де Беньот вполне справляется со своими обязанностями, – наконец ответила графиня, – к тому же мое графство находится среди могучих соседей, под их надежной защитой.

– Да, конечно, вы правы. Я всегда готов прийти вам на помощь, если вы меня об этом попросите. И все же, я думаю, графству не хватает твердой мужской руки.

– К сожалению, мой отец... – начала Кларисса, но герцог, слегка склонив голову, перебил ее:

– Мне очень жаль, Кларисса, но война не щадит никого.

– Аббатство не представляло военной угрозы. И вы должны понять мои чувства – ведь у меня есть брат. Он и унаследует титул.

– Еще раз приношу свои соболезнования, мадемуазель, – опять перебил Ричард, – но мертвых не оживить, и всем нам нужно думать, как жить дальше. А брат ваш, как мне известно, к сожалению, инвалид, и вряд ли когда-нибудь сможет управлять графством.

Девушка ничего не ответила и стала дрожащими руками накладывать себе на тарелку землянику. Разговор явно перешел не в то русло, к тому же норманн был не искушен в тонкостях светской беседы. Викинг привык все говорить прямо и коротко. Слуги принесли вторую перемену – жареного угря под укропным соусом. Уделив внимание и рыбе, Ричард прямо перешел к делу.

– Графиня, мой визит, скажу прямо, связан с некоторой деликатной миссией, – произнес нормандский властитель.

Кларисса умела делать удивленный вид. Тонкие дуги темных бровей изогнулись на округлом лбу.

– У меня для вас есть жених.

Самые тревожные подозрения начинали сбываться.

– Хевдинг Ингмар Дагфинсон, – добавил герцог.

– Хевдинг?

– Да, хевдинг – это граф. Ингмар знатного норвежского рода, из Олесунфьорда, его отец... – Ричард Первый взглянул на графиню – девушка сидела молча, бледная как полотно.

– Да вы не переживайте, – круглое лицо расплылось в улыбке. – Ингмар красивый мужчина тридцати лет, любая девушка была бы рада назвать его своим мужем.

– Но я его даже ни разу не видела. К тому же вы ведь знаете, что мне было бы тяжело выбрать себе в мужа норманна. Мои родители были убиты именно вашими соотечественниками.

– Увидите вашего жениха и будете приятно удивлены, – отрезал герцог. – А по поводу смерти ваших уважаемых родителей... даю вам честное слово, что мой протеже не участвовал в нападении на аббатство. Так что я жду вашего ответа!

– Когда я могу дать ответ?

– Ответ вы можете дать хоть сейчас, а можете через неделю, – сказал герцог Ричард, вставая из-за стола и поправляя кольчугу, – я ставлю лишь одно условие – ответ должен быть положительным.

– Но...

– Никаких но, графиня, – уже твердым голосом добавил мужчина. По его знаку все дружинники дружно встали из-за стола и стали покидать главный зал.

Кларисса осталась сидеть за столом, все еще не в силах прийти в себя. Норманны уже почти все вышли из зала, и на крутой лестнице слышались их тяжелые шаги. Последним к дверям пошел герцог. В дверном проеме Ричард остановился и оглянулся на девушку. Кларисса застыла за столом в странной позе. Одна рука поддерживала белый лоб, обрамленный блестящими локонами, а другой она придерживала готовый упасть серебряный кубок.

– Значит, свадьба – через две недели, – жестко произнес герцог и исчез в арке дверного проема.

– Благодарю за завтрак, – раздался его низкий голос уже из коридора.

* * *

Сладкоголосый скальд закончил свою балладу, и герцог Ричард Бесстрашный отставил большой серебряный кубок с недопитым вином в сторону. Его покрасневшее лицо, освещенное всполохами догорающих углей в большом камине, застыло в отрешенной истоме. Молодой хевдинг нетерпеливо вздохнул, напоминая владыке Нормандии, что он давно ожидает, когда же герцог скажет, зачем попросил его зайти после ужина.

– Подыскал я тебе невесту, Ингмар, – наконец направил он свой взор на молодого мужчину.

Ингмар удивленно приподнял пшеничные брови.

– Да, да, друг мой, я считаю, что тебе нужно жениться, – добавил герцог умиротворенным голосом. Великолепные северные баллады всегда улучшали настроение нормандского правителя.

– Да я как-то и ничего не думал по этому поводу, – осторожно начал Ингмар, – нет особой нужды влезать в хомут. Да и не дома мы, а на чужой земле... мы здесь посторонние, а для франкских женщин – враги.

– А я вот не считаю, что земля Нормандии чужая! Вот когда мой дед Роллон впервые ступил на эту землю – да, она была чужая для нас, викингов! А сейчас она даже называется Нормандией. Это значит — страна норманнов, северных людей. Мы пришли сюда и по праву победителя взяли себе эту благодатную землю.

– Я слышал о тех временах, скалды поют песни о его подвигах – с уважением сказал Ингмар. – Рассказывают, что вашего деда звали Пешеходом, так как он был таким громадным, что ни одна лошадь не выдерживала его веса. Потому и ходил он всегда в бой пешком. Правда ли это?

– Это правда, Ингмар. А еще правда, что Роллон создал здесь новую страну. Теперь здесь, в Нормандии, жить стало намного легче и безопасней, чем при прежних правителях. Подлые франки привыкли лгать и изворачиваться. Из-за воровства и обмана в Нейстрии⁵ честному человеку невозможно было жить. Землевладельцы творили что хотели, в провинции царил сплошной беспредел. Законы были растоптаны, никакого справедливого суда для простых людей не было. За одно мгновение можно было лишиться средств к существованию в результате произвола или воровства! – Герцог сурово сжал губы. — А сейчас в Нормандии один закон для всех.

Выслушав герцога, Ингмар задумался. На родине знали о подвигах Роллона Пешехода, первого завоевателя Нормандии. Правда, в основном это были рассказы о боевых сражениях славного вождя. Под его предводительством викинги оттеснили франков с их земель в устье Сены, и король вынужден был признать Пешехода герцогом новой провинции Нормандии. Дед Ингмара рассказывал, что согласно ритуалу после посвящения в герцоги Роллон должен был поцеловать сапог короля. Гордый вождь поручил это сделать своему дружиннику. Но и простой воин не был лишен чувства собственного достоинства. Викинг схватил ногу короля и, подняв ее до уровня своего лица, изобразил насмешливый поцелуй. Естественно, кресло короля опрокинулось, и незадачливый сеньор упал, вызвав у северян гомерический хохот – желая унижить других, сам король был вынужден испытать позор.

– Моего деда еще звали дьяволом, – продолжал рассказывать Ричард, – в бою он действительно был таким, но в мирное время не было лучшего правителя. Через несколько лет он навел в Нормандии полный порядок. Воров беспощадно казнил. Как-то однажды даже приказал повесить женщину вместе с ее мужем, пытавшихся его обмануть.

Герцог опять внимательно посмотрел на хевдинга. Было видно, что внук любил рассказывать про своего знаменитого деда.

Но и Ингмару стало интересно – куда же клонит Ричард?

– Так вот. Роллон приказал оставлять в поле все сельскохозяйственные орудия, чтобы доказать, что воровства в провинции нет. Так и повелось в Нормандии с тех пор. Кончился рабочий день – плуг остается на пашне до следующего утра. Дед ввел закон: если что-нибудь будет украдено – все вернут пострадавшему из казны самого герцога. Но вора, если попадется, конечно, ожидало жестокое наказание. Одна глупая и жадная женщина захотела получить из казны деньги за свой якобы украденный плуг. Она уговорила мужа увезти его с поля и спрятать, а затем объявила о пропаже.

– И что? – Ингмар явно заинтересовался рассказом.

– Ей вернули стоимость плуга, но, когда обман вскрылся, Роллон приказал казнить их обоих.

– В наших краях в древности тоже были такие законы.

– Верно. Так вот, после этого случая в Нормандии вообще не стало никакого воровства. Дед сам повесил на ветку на опушке леса золотую цепь. Так она провисела там три года, и никто не посмел ее взять.

– Да, я слышал про эту цепь, и думал – сказка! – улыбнулся Ингмар.

– Сказка? Вот она!

И герцог с удовольствием показал изумленному хевдингу большую золотую цепь, висевшую у него на груди.

– Теперь многие франки хотели бы жить в нашем герцогстве. У нас закон и порядок. Каждый знает, что он защищен, сеньор тоже несет ответственность перед вассалами. Но у франкской знати наши успехи вызывают злобу и ненависть! Ты ведь знаешь, что эти под-

⁵ Провинция франкского государства.

лецы коварно, на переговорах, убили моего отца, герцога Вильгельма! Мне тогда было всего двенадцать лет...

– Что-то вы все вокруг да около? При чем же здесь моя женитьба? – не выдержал Ингмар.

– Сколько людей ты привел с собой?

– Восемьдесят три, – не поднимая глаз, ответил молодой хевдинг и вспомнил лица своих дружинников. За мгновение все они как бы прошли мимо его мысленного взора.

– Так вот, этим восьмидесяти трем пути назад нет, ты ведь это знаешь. Кто пошел в викинги, кто выбрал этот путь – тому нет возврата в бонды.

– Это я понимаю...

– Эти люди доверили тебе, хевдинг, свою судьбу. Это ты решаешь, как им жить дальше! А легко ли всю жизнь мотаться по морям? Или жить стариком в казарме? Может, все-таки лучше иметь свой дом, семью, и лишь в случае необходимости, когда в этом будет нужда, являться в Руан по зову своего герцога!

– Я перед походом сюда, в Нормандию, два года на двух кораблях ходил по русским рекам, продавал, покупал, в общем, торговал. Было очень трудно... считаю, что постоянно так жить очень тяжело, не пожелаешь никому, даже врагу.

– Ну вот, все ты и сам понимаешь, – удовлетворенно хмыкнул герцог, помешивая раскаленные угли длинной кочергой. – А эта страна тебе нравится? – Ричард неожиданно в упор посмотрел на хевдинга.

– Как она может не нравиться? – прямо ответил Ингмар. – Здесь благословенный край. Жаркое лето, теплые зимы. Фрукты, виноград...

– Красивые женщины...

– Ну, наши тоже хороши.

– Неплохие у нас женщины, Ингмар, – это нужно признать. Наши – светлые и тихие, как северное сияние! – было видно, как блеснули глаза Ричарда. – А эти огонь! Жгучий огонь!

Хевдинг усмехнулся. Он вспомнил незнакомку, которая так ловко обманула его у реки. Она действительно была красавица. Жаль только, что девушке удалось сбежать.

– И все-таки жениться я не собираюсь, Ричард, – после длинной паузы ответил герцогу Ингмар. – Сейчас я свободен, делаю, что хочу, а погибну в бою – моя смерть никому не причинит горя.

Герцог резко встал и подошел к окну. Небо в этот вечер выдалось на редкость ясное. Над темными черепичными крышами замка сияли знакомые созвездия, а небо пересекала светлая полоса Млечного Пути. Где-то вдали, на горизонте, поблескивали огоньки селений.

– Ты, наверное, считаешь, что я делаю только то, что хочу?

Ингмар хотел было возразить, но герцог повернулся и резким жестом остановил его:

– Ты полагаешь, что власть и деньги нам даны Богом для удовлетворения своих личных желаний?

И опять Ричард не дал Ингмару ответить.

– Нет, брат, мы голова и воля нашего народа. Знаешь, как эти христианские священники называют себя? Пастыри! А люди – паства, стадо, которое нужно пасти! Ты привез с собой стадо, Ингмар. Но они наш народ. Их нужно устроить на новом месте, обеспечить им хорошую жизнь и пропитание. И помочь найти немного счастья...

Герцог прервался. Было видно, что его широкое лицо, и без того красноватое от природы, разругалось от возбуждения еще больше.

– Я не брошу эту страну, Ингмар. Мне тоже пришлось жениться не по своему выбору, а по здравому смыслу. Ради процветания Нормандии! Этот край дан нам Одином и нашими дедами потому, что мы лучшие воины, чем эти франки. Мы смелее, сильнее, предприимчи-

вей. Мы пришли из холодной страны, чтобы создать здесь рай для наших внуков. И я буду зубами держаться за каждый клочок Нормандии! Думаешь, король женится по любви?

– Я же не король.

– Но ты будешь нормандским графом, хевдинг. Это тоже ко многому обязывает. Например, сделать жизнь твоих дружинников зажиточной и счастливой. Как граф Мелана, ты будешь иметь возможность помочь каждому дружиннику построить свой дом, завести семью. Неужели нам не понадобятся их сыновья? А если графство Мелан будет союзником Нормандии, то наша сила возрастет! Хотя, что это я тебя уговариваю? Ты увидишь невесту – и все твои планы переменятся! – с этими словами герцог удовлетворенно рассмеялся.

– Я знаю, что ты отличный парень, Ингмар, – продолжил беседу герцог, – и хочу, чтобы ты остался в Нормандии. Женитьба – лучший способ для мужчины крепко обосноваться на чужбине. Я тебе нашел хорошую невесту, дочь графа Мелана. самого графа вместе с женой убили датчане около трех лет назад, при набеге на аббатство Монтэ Касьон. Остались только дети, дочь Кларисса девятнадцати лет, и сын Альберт, двенадцати лет. Но паренек инвалид. По-видимому, он никогда не встанет со своего кресла. Какой с него граф! Так что и титул, и замок, и графство Мелан будут твоими. К тому же девчонка такая красавица, какую не часто встретишь, скажу я тебе! – Ричард с вождением потер руки. – Я бы и сам не прочь оказаться с ней в постели. Но чего не сделаешь для храброго Ингмара!

Ингмар задумался. Предложение герцога меняло все его планы. После измены Грюнхильды хевдинг вообще не помышлял о женитьбе. Был даже такой период, что женщины вызывали у викинга сильную неприязнь. Этот поход тоже в какой-то мере был задуман, чтобы «убежать от себя». Ингмар надеялся, что в новых краях у него начнется другая жизнь. Жизнь, которая поможет забыть о коварной предательнице. Так оно и вышло – боль, обида постепенно затихли. Молодой мужчина был доволен своей судьбой и принял решение вообще остаться холостяком. Его вполне устраивали легкие отношения с влюбленными в него хорошенькими служанками и скучающими женами немолодых рыцарей. Он сразу же забывал о них, после того как, удовлетворив свои нужды, выпроваживал из своей комнаты. Да и любовником он был холодным и жестким. Ингмар никогда не испытывал желания доставить удовольствие женщине, с которой спал, – его совершенно не волновало их мнение о себе как о мужчине. Он никого из них не любил, никого не уважал.

– Знаю, знаю, дамы у тебя не в чести! Слышал, тебя даже прозвали девственником, – теперь уже весело заговорил герцог, – неужели ты и в самом деле не любишь баб? Или, может, у тебя проблемы?

От возмущения Ингмар даже подскочил:

– Кто это тебе такое сказал?

– Ладно, ладно, не кипятись, – миролюбиво продолжил рыжеволосый хозяин замка, – я во всю эту болтовню не верю. У самого, наверно, на Руси дети подрастают?

– Этого ни один мужчина не знает достоверно, Ричард! – с ухмылкой сверкнул глазами молодой викинг.

– Ну, вот ты и попался, – засмеялся герцог, вставая, – все, решено! На днях едем свататься. А если не любишь женщин – это твое дело. Закрой ее где-нибудь, подальше от себя! Главное, занимайся делами графства и заботься о своих людях. Но и наследника соорудить нужно, сам понимаешь! Да и брата ему, про запас.

Ингмар снова открыл рот.

– Через две недели свадьба! – властно прервал его Ричард. – И никаких возражений! Я старший, я герцог, и я, наконец, властелин в этом краю! Научись умирять свой гонор! А не можешь – вали отсюда со своей дружиной в морские разбойники! А когда немного поплаваешь за бортом в холодной водичке – сразу образумишься!

С этими словами герцог сильно хлопнул расстроенного мужчину по плечу, и его громкий хохот рассыпался высоко в темных каменных сводах.

* * *

Злоба душила так, что даже сдавило горло. Ингмар спустился по крутым ступеням винтовой лестницы и вышел на свежий воздух, чтобы немного успокоиться. Вечерний ветерок доносил пряный запах цветущих садов, а алый громадный диск луны где-то очень далеко касался верхушек пирамидальных тополей. Пройдя несколько шагов по песчаной дорожке, упирающейся в крыльцо, Ингмар больно ударился о твердый предмет, торчащий из земли.

– О, дьявол! – заорал хевдинг и согнулся к земле.

– Что ты орешь, Ингмар? – прозвучал в темноте удивленный голос Арни.

Ингмар разогнулся. В руке он держал кривой корень неизвестного растения. Нога в мягком сапоге больно ныла.

– Проклятье, – прошипел мужчина и с силой запустил им в темноту. Похоже, злобная деревяшка попала прямо в курятник, так как через мгновение раздались отчаянное кудахтанье и возмущенные крики петухов.

– И эта свадьба, будь она неладна, – злобно прошипел Ингмар, пройдя несколько шагов.

– Какая свадьба? – удивился Арни, следовавший за вождем.

– Все через задницу! Ехал за море, чтобы забыть об этих бабах, а тут опять одевают хомут!

Пожилой рулевой промолчал. Он не знал о планах хевдинга на жизнь, но всей душой сочувствовал мужчине, которого насильно женят.

Майская королева

Ближе к утру темный небесный свод, усеянный яркими звездами, совершенно освободился от туч. Прозрачное розовое небо, казалось, пропитало все окрестности утренней свежестью. Внизу, возле реки, кое-где клочьями прятался туман – он словно чувствовал, что доживает последние мгновения перед восходом светила. Леса, нивы, река – все замерло в предрассветный час в ожидании восхода солнца. А когда занялась заря, стало ясно, что погода будет хорошей.

Скрип опускающегося подвесного моста разбудил последних лежебок, и из темной пасти башни выехала нарядная кавалькада. Графиню де Мелан и ее подругу Бланку сопровождал в поездке небольшой отряд охраны. Дочери Эда де Беньота повезло, что молодая графиня была ее подругой. С тех пор как погибли родители Клариссы, прошло уже много времени. И все местные холостяки решили, что траур по графу и графине Мелан можно считать оконченным. Молодую и богатую наследницу стали обхаживать изо всех сил. Скучное существование за стенами замка сменилось на частые прогулки по окрестностям, визиты, поездки в город. Вот и сейчас девушки отправлялись на пир. Вчера Кларисса получила приглашение от Тибо де Во, графа Шатрского. По случаю народного праздника весны сеньор ежегодно устраивал богатое празднество. На этом празднике подруг ждали всяческие развлечения, танцы, возможность познакомиться с новыми кавалерами. Предвкушая предстоящие удовольствия, обе девушки, обычно любящие поваляться в постели, сегодня поднялись очень рано, так как поездка ожидалась нелегкая. Дорога проходила через густой сосновый лес, петляла по холмистой равнине, пересекала небольшую речку. К тому же город, где располагалась резиденция графа Шатрского, находился не близко – их маленькому отряду предстояло проехать где-то пятьдесят.

– Посмотри, Бланка! – Кларисса показала в сторону большой поляны, расположенной на берегу реки, когда отряд выехал из небольшого перелеска на открытое пространство.

На зеленой траве чернело большое кострище с еще пылающими жаром углями, а трава вокруг кострища была вся истоптана.

– Здесь всю ночь было гуляние, мадемуазель, – ответила ее спутница и со вздохом повела озорными карими глазками. Было видно, что и она была бы не прочь принять участие в деревенском празднике начала лета, но строгий Эд оберегал дочь от сельских кавалеров. И это было понятно: в такую ночь все запреты для молодежи снимались, согласно древним языческим обрядам.

Из густых зарослей орешника навстречу отряду вылезла изрядно растрепанная парочка. Молодые люди были удивлены встрече со своей сеньорой столь ранним утром и застыли в недоумении. Девушка быстро поправила измятое платье, а парень потянулся снимать шапку с копны черных волос.

– Как прошел праздник, Маго? – сухо улыбнулась Кларисса.

– Хорошо, мадемуазель Кларисса, – отозвалась дочь Жана Марте, сельского кузнеца, – но ведь он еще не прошел.

Графиня удивленно подняла тонкие брови. Ее изящные темно-каштановые брови очень хорошо передавали все оттенки чувств молодой аристократки. На этот раз легко можно было понять, что они выражают удивление с некоторой долей иронии.

– Да, я вижу, что для тебя праздник все еще продолжается.

– Нет, мадемуазель, я имею в виду, что сегодня будут выбирать «майского короля», – пролепетала любительница запретных усад и взглянула на своего избранника.

– Возможно, что твой кавалер и будет тем самым королем?

– Не думаю, – хмыкнула девушка.

Графиня тронула поводья, и кавалькада поскакала вперед, оставляя на песчаной дороге следы от конских копыт. Но когда отряд проезжал мимо селения, расположившегося возле небольшого холма, путь ему перегородила группа молодых парней и девиц. В волосы девушек были вплетены полевые цветы и травы, все участники праздничного действа были наряжены в свои лучшие одежды. Рыжую шевелюру одного из юношей украшал большой венок. В руках он держал два березовых ствола, а пояс, которым он был подпоясан, наверное, был лучшим в округе. Сопровождавшие «майского короля» молодые люди пели в его честь хвалебные песни и осыпали венценосную голову лепестками цветов.

Парень совсем вошел в роль, и его движения были преисполнены благородства. С видом сеньора он преградил дорогу графине и посмотрел ей прямо в глаза своим царственным взглядом. Кларисса притормозила бег Суси и жестом руки остановила стражу.

«Майский король» все же сделал вежливый жест, слегка напоминавший поклон, в то время как его свита склонилась по-настоящему. Затем глава процессии перенес березки в левую руку, а правой указал на графиню. Его жест вызвал у молодежи вздох восхищения, и от стайки отделилась маленькая кудрявая девчушка. Подбежав к ногам нервно топчущейся Суси, она смело выкрикнула:

– Кларисса Монье, графиня де Мелан, майский король избрал вас майной!

Графиня взглянула на Реми, сержанта ее стражников. Ее брови выражали недоумение.

– Нельзя отказываться, госпожа, – прошептал, прикрывая рукой рот, мужчина, – плохая примета, да и обида будет у селян.

Кларисса была недовольна вынужденной задержкой, но смирилась с народным обычаем, тем более что все были явно восхищены смелым выбором «короля». Вскоре герою праздника подали лошадь, и царственная пара в сопровождении свиты направилась в лес. Там молодежь нарубила целый воз молодых деревьев, и парни с пением и плясками повели буйволов в сторону селения. «Короля» и графиню при этом непрерывно осыпали лепестками цветов, травами или просто молодыми листьями. На голову Клариссы уже успели взгромоздить тугой венок из душистых полевых цветов, шею ее кобылы также украсили травяным хомутом, который Суси все время пыталась достать жадными губами.

Бланка завизжала от восторга, и «майна» оглянулась. Из-за пригорка на процессию мчалось целое войско. Мужчины были вооружены деревянными мечами и рогатинами. Сопротивления почти не было, но нападавшие изображали ярость и умелое владение оружием. Скоро воз оказался в их руках.

– Это значит – лето завоевано, – пояснил всезнающий Реми.

Участники праздника с визгом и криками расхватили зеленые ветки, наполнявшие воз как настоящие ценности. Затем и войско, и жертвы нападения взялись за руки и закружились в хороводе. «Майский король», видя нетерпение Клариссы, сделал неумелый реверанс, освобождая графиню от роли «майны» и одновременно поблагодарив.

Участие в празднике отняло у путешественниц часа два драгоценного времени, и кавалькада въехала в городок, где располагался замок графа Шатрского, довольно поздно, когда сумерки уже сгустились над черепичными крышами. На въезде графиню встретила процессия нарядных женщин. Горожанки несли в руках высушенные травы, небольшие огоньки и пели языческие куплеты. Из окон на вторых этажах свисали глиняные горшочки, продырявленные во многих местах. В горшочках были зажжены сухие лепестки роз, и по всей округе неслись пьянящие ароматы. Ощущение таинственного древнего праздника вновь охватило сердце Клариссы. Она оглянулась и увидела, как светящейся змеей ползет ручеек из поющих женщин к ближней излучине реки.

Ворота замка были распахнуты настежь, и во дворе было видно множество нарядных людей. Похоже, граф не поскупился и пригласил проезжих вагантов⁶. Молодые люди в черных, как у монахов, одеждах резво наигрывали веселую мелодию. Тонкоголосые флейты, рожки и медные трубы настойчиво приглашали к танцу, а барабан с бубенчиками задавал его ритм. Но гости еще не приступили к настоящему веселью и важно прохаживались по двору, обмениваясь любезностями и шутками. Было видно, что кого-то ждут.

Навстречу Клариссе вышел граф Тибо в парадном платье; толстая золотая цепь на его груди удерживала кулон с фамильным гербом. Приветливо улыбаясь, он помог графине спуститься с лошади и сделал знак слугам, которые поднесли большое серебряное блюдо и кубок с водой для умывания рук.

– Мы уже ждали вас, мадемуазель Кларисса. Я приказал не начинать праздник, пока вы не приедете.

– Спасибо, мессир, за такую честь, прошу извинить меня за задержку.

– Не стоит извинений, графиня, дорога дальняя, я понимаю.

– Нас задержал народный праздник, – оправдывалась Кларисса, вытирая руки о расшитое полотенце, – я была избрана королевой.

– О, этот выбор был предreshен, дорогая, вы и у нас будете королевой.

– Что вы, мессир, – смутилась гостя, – тут много достойных дам.

– Но равных вам по красоте здесь нет, – возразил любезный хозяин, – к тому же я имею к вам сегодня особое намерение.

Теперь и граф Тибо смог увидеть, как ловко изображает красавица удивление своими изящными бровями.

– Нет, нет, пока это секрет, – воскликнул граф и добавил, – пусть все идет своим чередом.

В это время из-за спины графа возник плотный мужчина лет сорока. На его широком рыжевatom лице заинтересованно поблескивали маленькие серые глазки. Граф Тибо оглянулся.

– Должен вас познакомить, графиня, это барон Донат де Брюнне, мой кузен.

– Очень приятно, барон.

Донат захватил своей влажной рукой узкую ладонь Клариссы и звонко чмокнул ее. Девушка видела, как напряглись мышцы на его выбритом затылке. Музыканты сменили мелодию, и это послужило своеобразным сигналом к началу танца. Гости засмеялись и принялись выстраиваться вдоль площадки. Барон присел в поклоне, приглашая графиню на танец. Неприятный холодок возник в животе Клариссы, но она покорно пошла вслед за широкой спиной кавалера.

Пары выстроились в две шеренги и, освещенные масляными факелами, повернули свои взоры на Клариссу и барона. Те стояли во главе танцующих пар, и Донат торжественно держал на вытянутой вперед ладони тонкую ручку королевы бала. Музыка на мгновение умолкла и грянула вновь. Кларисса и ее кавалер поплыли вперед мелкими шажками, и все остальные танцоры стали двигаться вслед за ними, выстроившись в торжественную процессию.

– Танец поцелуя! – воскликнул кто-то из толпы, и у Клариссы сжалось сердце.

Это означало, что в конце танца этот рыжебородый сорокалетний толстяк присосется к ее рту своими мокрыми губами. Все дальнейшее действие «королева пира» переживала грядущую расплату. Так и случилось – под бурные возгласы гостей барон обхватил талию графини жесткой рукой и мазнул влажным ртом по зардевшейся щеке, так как ловкая девушка успела увернуться. Поступок Клариссы не остался незамеченным, и серые глазки барона

⁶ Комедиантов.

блеснули недобрым огоньком. Тем не менее публика разразилась долгими аплодисментами, но их прервал граф, приглашая гостей к столу.

Длинные столы в парадном зале встретили гостей многочисленными яствами. На белых скатертях были расставлены золотые и серебряные кубки с ароматными винами, из ваз свисали грозди винограда, а жареное мясо и копченая рыба источали восхитительные запахи.

Менестрели переместились вслед за гостями – давно известно, что музыка облегчает процесс пищеварения. Жонглер устроил под куполом карусель из зажженных факелов.

Загадочным образом барон оказался рядом с Клариссой. На столе, напротив них, стоял кубок на двоих, который толстяк Донат тотчас же осушил почти полностью. Графиня отказалась от вина, взглянув на влажный край посуды, и взяла кисточку винограда. Он еще не совсем созрел, и лицо «королевы» слегка исказилось.

– С вами очень приятно танцевать, мадемуазель Кларисса, – прошептал на ушко барон. Для этого ему «пришлось» пододвинуться поближе, так что девушка ощутила жар его могучего тела.

В этот момент юный слуга попытался наполнить опустевший кубок и нечаянно плеснул немного вина на тунику барона. Вzbешенный Донат вскочил и заехал неумехе звонкую оплеуху. Под гомерический хохот гостей юноша повалился на пол, вылив на себя остатки благородного напитка.

– Ну зачем вы так, барон! – остановила его испуганная Кларисса. Ей показалось, что рассвирепевший барон приготовился добавить еще пару хороших пинков ногами съежившемуся от ужаса слуге.

– Эти скоты ничего не умеют хорошо делать, графиня, – злобно прошипел ее кавалер, отряхивая остатки вина с одежды.

Вскоре мужчина остыл и опять стал оказывать знаки внимания своей очаровательной соседке. Кларисса ощутила на своей талии его тяжелую руку и гневно оглянулась. Донат поспешно ретировался и принялся за пряный кабаний окорок, нашпигованный чесноком. В разгар пира Кларисса заметила, что граф Шатрский удалился из зала. Встал из-за стола и ее ухажер. Спустя пару минут к графине подошел слуга и передал просьбу хозяина замка пройти к нему в комнату. Весь вечер Клариссу не отпускало смутное предчувствие беды, и вот сейчас снова тревожно сжалось сердце. Бросив тоскливый взгляд на Бланку, она нехотя побрела за слугой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.